

Ник. Коротеев

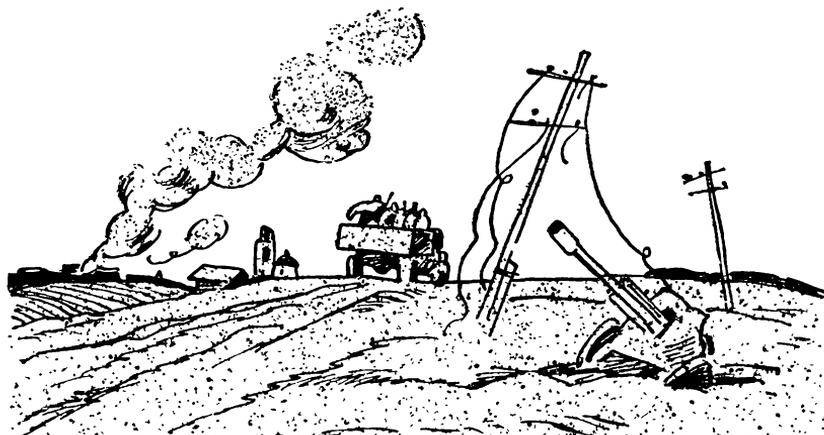
ЗОЛОТАЯ
"СЛАВА"

*Издательство
"Детская литература"*

Ник. Коротеев

ЗОЛОТАЯ « СЛАВА »

Повесть

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва - 1969

Около двух с половиной тысяч солдат и младших командиров стали в Великую Отечественную войну полными кавалерами ордена Славы. Это значит, что каждый из них во фронтовой обстановке трижды совершал личный подвиг во имя победы над фашизмом.

Работая над повестью, автор встречался со многими полными кавалерами этого солдатского ордена. В известной мере произведение документально. Оно написано по рассказам бывалых людей.

Автор повести Николай Иванович Коротеев — молодой литератор. Он часто обращается к военной теме. Им написаны повести «Испания в сердце моем», «Когда в беде по грудь», рассказы о пограничниках. За последние годы вышли также его книги: «Выстрел в тайге», «Операция «Соболь», «Три подвига», «Живое дерево».

Рисунки
М. СОКОЛОВА

Глава первая

Семеро продвигались гуськом в кромешной тьме ночного леса. Они скользили подобно теням, готовые каждый миг исчезнуть за стволами деревьев, распластаться, слиться с землей. Неожиданно шедший посредине цепочки споткнулся и неловко, боком, повалился. Затрещали кусты, сухие ветки валежника. Боец, находившийся позади упавшего, прыгнул на него, придавил своей тяжестью.

Разведчики замерли, словно окаменели. Сухой хруст показался оглушительным.

Федор, шедший вторым, так и застыл с поднятой для шага ногой. Все его существо напряглось в ожидании: не возникнет ли в ответ на шум подозрительное движение, шорох всполошившегося врага.

Лесная тишина, глухая и затаенная, будто прислушивалась сама к себе. Неподалеку поднялась без крика птица.

Она несколько раз звонко хлопнула крыльями, а потом полетела, лишь шелестя маховыми перьями. Судя по редким взмахам, птица была крупная. Над самым ухом Федора раздался шлепок, брызги окропили лицо. Он вздрогнул. Снова и снова слышались шлепки по листьям — то близко, то подалше. Обильная роса скатывалась с листа на лист. Федор улавливал эти звуки, но дыхания своих товарищей он не слышал.

Легкое дуновенье прошло по вершинам. Защелкали, зазвенели росяные капли.

«Ветер... Скоро рассвет», — подумал Федор и осторожно поставил на землю онемевшую ногу.

Плотная тень — силуэт младшего лейтенанта Русских — неслышно проплыла мимо. Он прошел к упавшему — надо же было выяснить, что случилось.

— Чего шумите?

Это шепот командира.

Федор не оборачивался. Чего оборачиваться? Шли разведчики из фашистского тыла с «языком». У немца руки связаны за спиной, во рту кляп. Сопел немец за спиной Федора, как паровоз. Споткнулся в темноте, завалился. Однако не со свободными же руками фашиста тащить.

— Гляди под ноги, ирод... — словно подтверждая догадку Федора, просипел «Тройной Иван» — так разведчики называли Ивана Ивановича Иванова. Это он шел вслед за «языком» и навалился на него, когда тот упал. Черт знает, что было на уме у пленного... Может, знак хотел подать.

Разведчики подошли с тыла к передовым позициям врага. Сквозь них еще предстояло просочиться. Два дня назад их часть прекратила преследование гитлеровцев. Надо было подтянуть свои тылы да и дать короткую передышку солдатам. Когда разведчики пошли в поиск, фашисты еще не сумели толком занять оборону. Они так стремительно «выравнивали линию фронта», что не успели создать «заранее подготовленных позиций».

Разведчики подошли с тыла к передовым позициям врага.

Зашуршали палые листья.

— Успокоился?— спросил младший лейтенант.

— Барахтается,— простуженно просипел Тройной Иван.

— Пхни как следует! Нашел время шуметь...

— Фу ты...— тоненько выдохнул позади Федора юркий коротышка Тихон Глыба. Он неслышно и бойко повернулся, склонился к пленному, потряс немца за плечо.— Испугал, дьявол!

— Пст...— послышался голос младшего лейтенанта. Он прошипел на ухо пленному что-то по-немецки.

— Тихо! — сдавленно предупредил Федор товарищей.

Впереди меж деревьями, метрах в ста от них, вспыхнул огонек. Он был очень ярко, этот крохотный язычок пламени. Погас. Огонек засветился точно на том направлении, по которому шли разведчики.

— Видели?— шепнул Федор через плечо.— Вот так да! Вовремя же завалился фриц...

Еще бы минута, и они наткнулись на того, кто прикуривал. Теперь видно, как время от времени блеклое красное пятно сигареты разгорается, перемещается между стволами. Что там? Неужели они сбились с пути? Вроде бы нет... Не должно быть. Вчера тут было чисто. То-то и оно, что вчера. А сегодня? Затянули, выходит, фрицы лазейку. И всё...

Младший лейтенант сдержанно дышал над ухом Федора, положив ему руку на плечо. Значит, видел. Что же теперь им делать? Искать новую лазейку? Трудно будет. Этак еще целый день придется проторчать в фашистском тылу. А это очень опасно. И «язык» нужен срочно.

— Тихон, поди глянь, что там,— негромко проговорил Русских через плечо, не отводя взгляда от блуждающего между деревьями огонька сигареты.

Даже стоявший рядом Федор не уловил шороха шагов. Глыба легок на поступь, как рысь...

Опять прошумел ветер. Застучали, защелкали по листьям, по траве капли. Росяной дождь усилился после порыва и

ушел вслед за ним. Федор подставил лицо под брызги. Холодные, колючие, они приятно освежили его. Напряженная осторожность, вызванная падением пленного, немного улеглась. Появилась уверенность, что и из такого сложного положения командир найдет выход. Не впервой.

Огонек сигареты как ни в чем не бывало двигался поодаль меж стволами.

«Там, наверно, поляна, — подумал Федор. — Точно. Когда углубились в тылы врага, то обошли ее стороной».

Впереди замаячила тень.

Федор инстинктивно сжал рукоятку пистолета за пазухой.

— Землянку отрыли с краю, на поляне, — послышался шепот Тихона. — От нее, стало быть, траншея. Чуть не свалился туда, когда обходил. Ход к кустам идет. Воронки много свежих. Наши старались. Видать, пулеметное гнездо на опушке.

«Зализали, выходит, лазейку, — понял Федор. — Остался прогал между двумя дотами — и нет его. Если они устроили пулеметное гнездо на опушке... как же мы поле преодолеем? И светать вот-вот начнет...»

— Пока я следил, по тропке прошел солдат к гнезду, — продолжал шептать Глыба. — С ящичком патронов. На плече нес. Я — в воронку. Да будь она неладна... Там пустые ящички валяются. Чуть не загремел ими.

— Часовой у входа в траншею?

— Нет, у землянки.

— Вход в траншею оттуда просматривается?

— Днем, пожалуй. А сейчас — не кошка же часовой...

— А воронка с пустыми ящичками около траншеи? — настойчиво спросил младший лейтенант.

— Да.

Послышалась немецкая речь. На полянке переговаривались двое, не понижая голоса.

— Вот... — начал было Тихон.

— Подожди,— оборвал младший лейтенант Русских. Он стал вслушиваться в разговор. Потом подал знак рукой.

Разведчики двинулись за ним, подаваясь влево. Опять стало слышно, как сопит немец-«язык».

Подошли к кустам. У кого-то под ногами хрустнула ветка. Опять, наверное, у фрица. Остановились. Подождали, прислушиваясь. Снова тронулись. Огонек сигареты давно скрылся. Сейчас труднее догадаться, насторожился ли часовой.

Кусты столпились густо — скоро опушка и поле, которое теперь простреливается из пулемета.

«Что затеял младший лейтенант Русских?— подумал Федор.— Надеется, что в темноте немцы нас не приметят? Это шестерых-то? Да с «языком»! Не слепые, не глухие, чай... Нет, не положится он на темноту...»

Заросли оборвались внезапно. Стал виден широкий луг — ничейная земля. В предрассветной темноте он был седым от обильной росы. Левее, над низиной, пологом стлался туман. Впереди, на востоке, чуть приметно посерело небо. Звезды светились не так ярко.

От луга тянуло теплом, запахом перестоявшей травы.

На взгорке справа виднелся темный утюг леса, выдвинувшийся в луг. Где-то там притаилось пулеметное гнездо врага.

Вдруг ударила очередь. Громко, гулко. Вспышки выстрелов замелькали на самом кончике «утюга». Яркие полосы трассирующих пуль веером прошли над лугом.

«Не по нас,— догадался Федор.— Для собственной бодрости шпарит».

Разведчики залегли. Огненные полосы с присвистом ударили по кустам, затрещали, зашумели, падая, перебитые ветки.

Очередь наконец оборвалась.

— Чего там?— спросил Русских.

— Ранило, видать, гада,— ответил Тройной Иван, опекавший пленного.

— Жив?

— В руку,— ответил Иван.— Да не стони, своя же пуля, фашистская, не должно быть больно!

— Разговоры... Перевяжите. Пилотку его мне передайте.— Младший лейтенант тронул Федора за плечо: — Со мной.— И остальным: — Ждите. В случае чего — рывком через луг.

«Так,— понял Федор,— мы должны уничтожить пулемет. Иначе не пройти через луг...» Он двигался вдоль опушки за Русских так же неслышно, как и тот. Однако Федор не понимал, каким образом Русских решил подавить огневую точку. Стрелять явно нельзя — переполошишь весь вражеский передний край. Ног потом не унесешь. Подобраться тихо — и ножами. Это если спят. Да не спят фашисты. Минут десять назад немцы у землянки переговаривались. Похоже, тот, что патроны носил, вернулся.

Они подобрались по опушке к лесному «утюгу», вдававшемуся в луг. До пулемета оставалось метров тридцать. В гнезде, судя по говору, находилось четверо. Один приказывал. Чуть приглушенные землей голоса слышались так отчетливо, будто немцы разговаривали над ухом.

Приказ Русских был тише шелеста:

— Оставайся. Ко мне, если стрельба... Ясно?

Сглотнув слюну, Федор кивнул. Как ему хотелось спросить, что же задумал младший лейтенант. А тот исчез в кустах, нахлобучив пилотку фашиста.

«Неужели пойдет в окоп?— Федор даже поежился от этой мысли.— Как? Как пойдет-то? Неладное что-то... Надо ждать. Если стрельба, только тогда на помощь!»

Один из гитлеровцев — видно, подносчик — налегке вышел из окопа, юркнул в кусты.

«Если Русских пойдет по траншее, то вот-вот напорется на фрица!» Федор вытащил из-за пазухи пистолет, взял

в левую руку, потом нащупал висевшую на поясе гранату, отстегнул. Он был готов к броску, чтобы мгновенно прийти на помощь командиру.

Говорит, говорит без конца немец в окопе, настойчиво, настырно что-то втолковывает. С ящичком патронов на плече вышел из кустов еще один подносчик. Спустился в траншею.

«Где же Русских?!» Федор до хруста сжал зубы.

Немец в окопе замолчал.

«Да где же Русских?!» Федору показалось, что он больше не выдержит напряжения, ринется вперед, кинет гранату...

— Ы-ых!.. — услышал Федор. И звук тупого удара.

«Это Русских! Русских прошел с пустым ящичком, а не подносчик!.. Но там же трое! — Федор шагнул вперед, остановился. — «Ко мне, если стрельба... Ясно?»

В окопе борьба, хрип.

Кто-то выскочил на бруствер. Немец. В шинели, в каске. Но его тут же сдернули вниз. Лязг, сдавленный голос. Глухая возня, короткая, яростная. Еще удар...

Федор подался вперед, откинул ветку.

Из траншеи, таща за собой пулемет, выбежал Русских, махнул рукой: мол, за мной, — и побежал, почти не скрываясь, по полю. Федор выскочил из кустов, тоже махнул рукой: к своим, мол, быстро, — и помчался, косясь через плечо, поняли ли разведчики, что им надо делать.

Поняли: бегут, спешат к своим траншеям. Так же, лишь пригнувшись, почти не скрываясь. Скатились в окоп.

Дома!

Кто-то хлопнул Федора по плечу:

— Н-ну, братва!

Его тискали, подталкивали, шутливо и радостно, кулаками под бока.

Потом они отправились на командный пункт. Все это — после броска через луг — будто в тумане. Ноги отяжелели, едва волочились.

Младший лейтенант Русских доложил начальнику полковой разведки капитану Терехину о выполнении задания. Официальная часть недолга. Но затягивается.

Капитан на чем свет разносит Русских: почему тот один полез в пулеметное гнездо.

Федор подумал устало:

«А как могло быть иначе? Никак не могло. Иначе, пойдя они вдвоем, немцы сразу догадались бы — дело неладно. Близко не подпустили бы...»

Вражеский передний край взбесился. Автоматы, пулеметы пошли в ход. Мины рвутся. Заухали артиллерийские разрывы. Опомнились!

Вот под этот-то аккомпанемент и продолжал Терехин распекать младшего лейтенанта. Только заметил Федор, что стоит капитану отвести глаза от Русских, как искрится в них самая настоящая радость и гордость. Федор достаточно пригляделся за год к капитану. Не со зла Терехин ругается, просто надо для порядка, чтоб не очень рисковали разведчики.

Но все воспринимается словно сквозь туман. Слишком много душевных и физических сил отняли последние часы пребывания на той стороне, за линией фронта. Знакомое и всегда заново переживаемое состояние душевной разрядки.

Когда вернулись в свою землянку, Федор даже поест толком не мог, так хотелось спать.

* * *

— Пчела километров за пять от улья уходит, — негромко, будто для себя, говорил Кузьма Король. — Но ни разу я не видел, чтоб заблудилась. И вовремя, как по расписанию, возвращается.

Они с Федором лежали на траве неподалеку от землянки. Перед ними по цветку клевера ползала пчела. Крылышки ее поблескивали на солнце. Вдруг исчезли, превратившись

в два гудящих облачка. Пчела медленно, осторожно, будто разведчик на лесной тропе, взлетала, прицеливалась к клеверу, выбирала, на какой из граммофончиков соцветия ей опуститься.

— Вот ведь как, Федор,— продолжал Король.— В точное время пчелы возвращаются в улей. Будто у них часы на лапке привязаны.

Пышноусый красивый Кузьма, вернувшись после опасного рейда, всегда предается воспоминаниям о пчелах. До сих пор Федор думал, что пасечниками бывают лишь старые-престарые деды, кряхтящие, охающие, потирающие спину и в свободное время рассказывающие сказки пришедшим в гости пионерам. Такое у него сложилось впечатление по радиопередачам, которые он когда-то слушал в Магнитогорске. Да и по тому еще, что и в деревне на Смоленщине, куда они с матерью приехали отдыхать к ее родным, пасечником, конечно, был дед.

Все равно странно, что Кузьма Король — пасечник. Этакый мужчина в тридцать лет — и пасечник. Не с чего бы это ему «лепить горбатого», как говорили мальчишки-сверстники на Магнитке.

Правда, мальчишки-сорвиголовы появились на улицах Магнитки намного позже, чем отец Федора переселился туда с семьей из сибирской деревни. А приехали они туда, когда ничего не было у подножия заметной снегом горы,— ничего, кроме железнодорожного вагона. К вагону была прибита фанерка с надписью «Магнитогорск».

Вагон и фанерку с надписью Федор хорошо помнил. Отец упросил начальника станции присмотреть за ним, пятилетним «шкетом», так его называли строители, пока не сбили барак под жилье. Город, завод и Федор росли как бы вместе. Первая улица, а у Федора первый класс. Летом рыбалка на быстрой и богатой реке Урал...

— Тишина в саду... Вот такая, словно сейчас,— продолжал Кузьма, но мысли его были далеки и от пчел, и от ти-

шины. Главное для него другое — заставить Федора видеть окружающее не только глазами солдата. Заставить его подумать, что есть мир. Иначе — сердцем чувствует это Король — зачерствеет душа у парня, ожесточится, и померкнет для него красота и прелесть неба, солнца и цветущего одеяния земли. Ох как не хотелось Королю, чтобы это случилось с Федором!

По мнению Кузьмы, не совсем прав младший лейтенант Русских, стараясь сделать из парня только солдата и прежде всего солдата. Конечно, сейчас это главное... Но уж коли мы пошли на запад, то вспять нас не повернуть. Дойдем до Берлина. А потом что Федор будет делать? Ведь в нашем-то солдате прежде всего человек ценится. А младший лейтенант словно забыл об этом...

Федору хотелось возразить: какая же сейчас тишина? Целую ночь погудывали по-тихому грузовики, где-то танки урчали. Затаилось все сейчас. Какая же это тишина? Но Кузьме так хочется.

Слушать тишину — это разрядка для Кузьмы Короля. Как для ловкого, юркого и доброго Тихона разрядка — выпить.

В землянке пусто. Младший лейтенант пропадает в медсанбате. Тройной Иван отправился гостить на полковую кухню к своему другу — повару...

А вот он, Федор, Король и ефрейтор Лапотников остаются дневалить. Их никуда не тянет. Щегольски одетый Король будет валяться на траве или прогуливаться по деревне или по лесу, если КП полка в лесу, болтать с солдатами комendantского взвода, а Лапотников — возиться с трофейным оружием, это его страсть.

Федор обычно торчит около Лапотникова и не хуже его умеет обращаться с парабеллумами, вальтерами, кольтами, автоматами, пулеметами, всякими минами, — с такими штуковинами, правда, Лапотников занимается после того, как они побывают в руках у саперов. Но надоедает и ору-

жие, или Лапотников сидит у саперов, тогда Федор слушает Короля.

Федор не любит своих воспоминаний. Хотя бы потому, что на вид ему восемнадцать полных, а по-настоящему едва шестнадцать, и, не обмани он младшего лейтенанта, не бывать ему в разведке и вообще на фронте. Отправили бы, как маленького, в тыл. И дело с концом.

«А что бы я в той тыляге делал? — спрашивает в таких случаях Федор. — Мне этот тыл вот где!» — и хлопает себя по загривку.

Король толкнул его в бок:

— Слышишь, Федор!

— Слышу...

— Я говорю, война кругом, а пчелы все равно мед собирают. Только куда же они его носят? Ульев нет. В деревне печных труб и тех не осталось. Какие там ульи! Одичают пчелы. Когда они дичают...

Но Федор не слушал Кузьму. Взглянул на часы: девятый. Чего его так рано сегодня подняло? Они вторые сутки на отдыхе. Едва отоспались. Собственно, сегодня и начнется отдых. Придет Русских и крикнет: «Федор!» Но он позовет его не раньше, чем приблизится к нему шагов на пять. Он всегда так делает, когда на отдыхе у них начинаются тренировки по самбо до седьмого пота.

С такой схватки и началось знакомство Русских с Федором Макаровым.

Тогда Федор по поручению штаба партизанского отряда сопровождал через линию фронта раненых, и ему, по малолетству, было приказано остаться у своих и ехать в тыл. Но он пошел к разведчикам. Сказал, что из партизанского отряда, хорошо знает эти места и дальше — на запад.

— На запад? — переспросил младший лейтенант, окинув Федора цепким, оценивающим взглядом. Медлительный голенастый парнишка, очевидно, не очень понравился Русских. Однако командир разведчиков не слишком доверял

мгновенным впечатлениям. Был у него свой способ, что ли, разглядывать людей.

— Да. На запад,— упрямо подтвердил Федор.

Русских отложил ложку.

Разведчики обедали в саду. Дома на усадьбе не осталось. Расщепленные, израненные деревья все-таки жили, даже если отломленная ветвь крепилась к стволу лишь тонкой плоской древесных волокон.

— Слышите, ребята?— подмигнул младший лейтенант.— Он знает эти места и дальше — на запад.

— Это хорошо,— подтвердил солдат с пышными усами. Он был представителен и красив.

«Вот ему бы быть лейтенантом, а этот ершист. Злой, наверное»,— подумал тогда Федор.

— Знает, чем купить,— неожиданно пробасил сухонький и чернявый старший сержант.— Парень, видать, не промах.

Русских спросил:

— Сколько ж раз ты вокруг солнца облетел?

Младший лейтенант любил задавать неожиданные, каверзные вопросы, рассчитанные на сообразительность.

Сначала Федор принял вопрос за розыгрыш. Действительно, как это он мог вокруг солнца облететь, да еще «сколько раз». Глупость какая-то. Но разведчики, сидевшие за столом, были серьезны. Выходило, младший лейтенант не шутил.

— Ну, соображаешь?— поторопил Русских и, прищурив глаз, этак сбоку посмотрел на Федора.— А еще в разведку хочешь...

Догадался Федор: земля облетает солнце за год, а с ней и он! — и проворчал басом:

— Семнадцать.

Разведчики удовлетворенно переглянулись.

— А ведь, поди, того...— помотал головой Русских.

— Документы под немцем. Дойдем — проверите.

— Неплохо,— сказал младший лейтенант. Но было заметно, что он ни на мгновение не поверил Федору, хотя тот ростом вымахал на голову выше его и плечист, хоть и исхудал на скудных партизанских харчах.

— Сколько классов окончил?

Подумав, Федор ответил:

— Восемь. Потом на заводе работал.

— Кем?

— Токарем,— твердо заверил Федор. И это тоже была неправда.

— С лекалом, значит, имел дело...

— Это слесаря... с лекалом.

— Если и врет, с умом,— одобрительно кивнул старший сержант.— Нет, парень не промах.

— Погоди, Тройной Иван,— проговорил Русских.— И к Федору: — Почему его так зовут?

— Иван Иванович Иванов,— улыбнулся Федор.— Это ясно.

— Sprichst du Deutsch?

— Немка у нас в классе была злая и вредная...

— В грамматике путался?

— Угу,— признался Федор. Младший лейтенант не нравился ему все больше: чего он, в школу его принимает?

— Драться умеешь?

Федор молча засучил рукава.

Младший лейтенант скинул гимнастерку:

— Ну-ка, подумай...

— Давай. Только по-настоящему,— пробасил Федор.

— А то...— мотнул головой Русских.— Готов?

— Подходи.— Федор расставил ноги, чтоб тверже стоять.

Остальные разведчики оставили котелки, молча смотрели на Русских и Федора.

Вдруг младший лейтенант резко метнулся в сторону. Федор успел заметить сузившиеся в прищуре глаза, жестко сжатые губы. Размахнулся Федор с плеча, но только на за-

мах у него и хватило времени. А Русских оказался уже около своего противника. Захолонуло у Федора под ложечкой, искры посыпались из глаз от удара в скулу. Федор нагнулся непроизвольно — скрючила боль, — увидел сапоги, обхватил колени, дернул. Упал разведчик. Рывок Федора был неожиданный и сильный. Затем Федор схватил лежащего за ремень, махом перекинул через плечо. Потом поставил Русских на ноги, а сам ощупью нашарил его плечо, схватился, иначе бы рухнул.

Младший лейтенант, шипя и почесываясь, посмотрел на своих товарищей. Те сидели с невозмутимыми лицами. Тренировка — дело серьезное.

— Медведushка... — после продолжительного молчания протянул пышноусый боец в новенькой фуражке — будто только что с витрины универмага.

Федор, пошатываясь, подошел к столу. Ему уступили место. Он хватал ртом воздух: все не мог наладить дыхание. С трудом проворчал:

— Сибиряк я...

— Свирепый сибиряк, — процедил коренастый, с высокими залысинами боец, которого звали Тройным Иваном. — Я, товарищ младший лейтенант, такой ваш удар видел. Как вы того верзилу немца успокоили. А этот вот вас того... И ловко... Ловко!

— Я и ножом могу... — выдохнул Федор.

— Как это — ножом? — спросил младший лейтенант, натягивая гимнастерку.

Федор заметил, что командир разведчиков совсем на него не сердится. Он так улыбался, словно остался очень доволен его победой. Станный человек младший лейтенант.

— На двадцать метров в дерево.

— На. — Тройной Иван протянул финку. — Вон береза за плетнем.

Но прежде чем Федор прицелился, Русских метнул нож,

и тот едва не на пол-лезвия ушел в ствол. А нож Федора лишь скребнул по коре.

— Все равно не уйду. И стреляю я плохо. Мало патронов у партизан.— И, не дожидаясь ответа, Федор пошел за финками.

Он быстро нашел в траве свою финку и с трудом вытащил из ствола старой березы нож младшего лейтенанта. Настроение у Федора было плохое. Однако Федор поспешил успокоить себя тем, что это не единственная полковая разведка и не единственный на фронте полк.

Вернувшись, он увидел, что младшего лейтенанта за столом нет, и принял это за дурное предзнаменование. Но ошибся...

* * *

За перелеском, в стороне притихшей передовой, послышался одиночный выстрел. И едва Федор подумал, что, судя по звуку, выстрел произведен из немецкой снайперской винтовки, как в ответ раздалась с нашей стороны длинная пулеметная очередь.

— Нашел-таки я тот пропавший рой,— услышал Федор голос Короля.— Неделю искал его в лесу. Но все-таки нашел. Отличная была матка. Самым продуктивным стал улей, в который я тот рой посадил.

Федор мельком глянул на клевер, около которого трудилась пчела. Но ее уже не было — улетела.

— А пчелы, Кузьма Григорьевич, воют между собой?

— Зачем им?

— Может, вы просто не знаете?

Король помолчал, обдумывая ответ.

— Не замечал и не слышал о таком. Да и как им воевать?

— А с медведями?

— Это другое дело,— резонно заметил Король.

Мысли Федора перескочили на другое: «Вот Король в двух метрах от меня лежит. А вдруг бы это был немец? Я безоружный, и у того ни одного патрона. Как вот из такого лежачего положения броситься на него?»

— Ну-ка, подумай, — повторил Федор приговорку Русских.

— Ты что? — спросил Король, посмотрев в глаза Федора.

— Думаю.

— Как из такого положения захват сделать?

— Да.

Король и Русских — единственные из разведчиков — еще боролись с Федором, тренировались с ним по самбо, осваивали кое-какие известные приемы джиу-джитсу, остальные отмахивались. Федор в борьбе очень ярился, словно забывал, что не всерьез идет бой. Но младшему лейтенанту нравилась ярость Федора. А Короля не мог одолеть в безоружной схватке никто. И был Король отличным стрелком.

— Так чего же ты ждешь? — спросил Король.

— Тебя. — На тренировках Федор как-то незаметно для себя переходил со всеми на «ты».

— Это, может, иногда и верно — выждать.

— Почему?

— Характер раскрывается в первом броске. Вот ты ногу правую подтягиваешь. Хитришь. Не выйдет.

Но Федор уже бросился. И неожиданно почувствовал, что не упал, а сильные руки подкинули его. Потом удар по ногам — снизу вверх, он перевернулся, шлепнулся на спину, тяжелая ладонь Кузьмы опустилась ему на горло.

— Как выйти? — спросил Федор.

— Даю пять секунд... Двадцать один, двадцать два...

Федор схватился пальцами за предплечье Кузьмы и, изогнувшись, освободил шею, вскочил.

— Правильно догадался, — похвалил Король. Он и сделал-то всего четыре движения и продолжал лежать на боку,

с улыбкой глядя на запыхавшегося парня.— Безоружный человек, Федор, порой бывает вдвое сильнее вооруженного. Тот словно однорукий — все его внимание на ноже, на палке. Но есть люди, которые в схватке не забывают о второй руке. Тренированные, спортсмены. Таких надо разгадать по стойке, по первому движению. Тот на руки не взглянет. В глаза смотрит. По ним догадывается, что сделает противник.

Присев, Федор шмыгнул носом.

— И про пчел вы знаете, и про это...

— Был у нас до младшего лейтенанта Русских другой командир. Из пограничников. Лихой. Вот он учил нас. Это только так говорят, что на фронте люди погибают... И могилы бы вроде не найдешь. Нет. Тот, который воевать умел, не сгинет. Трое нас, старых, в группе захвата осталось. Но мы помним его. И фашист это чувствует.

— Федор! — послышался голос младшего лейтенанта.

В тот же миг Федор оказался на ногах, а Русских как бы замаячил на него ножом:

— Ну-ка...

Схватив младшего лейтенанта за руку, Федор дернул ее на себя, но Русских дал подножку, и они оба покатались по траве.

* * *

Время подходило к полуночи, но спать разведчики не ложились. Ждали младшего лейтенанта. Его вызвали в штаб сразу после обеда, и он до сих пор не возвращался.

Наконец пришел Русских. Он присел к столу, вынул из планшета карту:

— Подсаживайтесь. А ты, Федор, в первую очередь. Вернулись на знакомые тебе места. Или хвастался тогда?

— Когда я хвастался? Я по правде. Будто не знаете, товарищ младший лейтенант. Зачем же вы...

Командир разведчиков сдвинул фуражку на затылок:

— Федор, не ной.

Разведчики расселись.

— Задача — наблюдение...

Русских принялся объяснять приказ. Из сказанного Федор прежде всего понял, что фашисты стали усиленно укреплять оборону.

Очень даже знакома была карта, которую разложил на столе Русских. Точно такая же была у командира партизанского отряда. Одна-единственная, сильно поистершаяся на сгибах, с написанными по-немецки названиями русских сел и речек. Командир ее никому не давал. Покажет, куда идти, а карту в планшет.

— Ну-ка, что думает знаток местности, которая дальше на запад? — спросил Русских.

— Помню я эти места хорошо. — Федор подвинулся поближе к столу, взял карандаш и, не касаясь бумаги острием грифеля, повел над картой. — Вот тут — тропка через болото. Здесь оно показано как непроходимое. Чепуха. Есть тропка. Если кто из местных не продал ее фашистам.

— Что, много таких было? — спросил Тройной Иван.

— Много и не надо. Одного подлеца хватит, — нахмурился Федор. — Коли не продали тропку, тогда немцы оставили этот фланг малозащищенным. Прикрытие, конечно, поставили. Но серьезное вряд ли...

— Прямо профессор, — пробасил Глыба.

— К делу, — сказал Русских.

— За болотом — взгорок. Лесистый, сырой. Северный склон. Обзор со взгорка отличный: тылы ихние как на ладони.

— Конечно, немцы, они дураки... — иронически прогудел Глыба.

— Не разместишь тут батареи. Подходов удобных нет.

— Очень может быть, — согласился младший лейтенант. — Фашист без дороги чувствует себя весьма неважно.

Но заслон они, конечно, там поставили. Надо завтра днем посмотреть повнимательнее этот участок. И ночью — на ту сторону.

Федор еще некоторое время смотрел на карту. Названия на ней были написаны по-русски. Но она в точности повторяла ту, немецкую.

— Отбой! Отбой! — приказал Русских.

Король погасил чадающую копилку, сделанную из гильзы снаряда. В блиндаже стало темно и глухо, как бывает только в подземелье. Но Федор привык именно к этой тишине. Когда разведчикам удавалось устроиться в доме или в сарае, на худой конец, он чувствовал себя беспокойно. В землянках же и блиндажах засыпал быстро и спал хорошо, без снов.

Рядом, как всегда, устроился Король. Он тоже засыпал быстро и тихо. Дольше других ворочался самый старший по годам среди разведчиков — Тройной Иван. Глыба часто жаловался, что Иванов храпит, как придушенный немец, но Федор засыпал раньше и храпа не слышал.

Так было и сегодня.

Но среди ночи Федор вскочил. Нары под ним мелко дрожали. В блиндаж донесся утробный гул.

— Это гроза идет. Гром гремит. — На плечо Федора легла рука Короля.

— Я думал, проспал...

— Нет еще... — сказал Кузьма. Он тоже сел, порывлся в карманах, зашуршал газетой, свертывая самокрутку.

— Оста-а-авишь, — попросил Лапотников, который заикался после контузии.

— Дурень этот Илья. Чего ночью по небу кататься? — послышался бас Глыбы. — Придется утром ему коляску по щепочке собирать.

Видно, гроза разбудила всех. Прислушавшись, Федор уловил ровный шум ливня. Потом снова ударил гром, задрожала земля. Кузьма несколько раз стукнул кресалом по

кремню, раздул фитиль, прикурил. В полутьме стало видно его лицо: прищуренные глаза, пышные усы, высокий лоб с нависшим над ним кудрявым чубом.

Отвернувшись к стенке, Федор попробовал снова уснуть, но сон прошел.

Опять послышался далекий раскат грома, и тут же ударило над самым блиндажом. Даже уши заложило.

И вдруг по каким-то неведомым законам воспоминаний Федор ясно, до галлюцинации, припомнил ту страшную светлую ночь сурового лета сорок первого года. Ночь на полустанке. Даже не на полустанке, а на разъезде, где поезд, в котором они ехали с матерью на восток, попал под бомбежку.

Рев моторов, треск пулеметов раздались раньше, чем прерывисто, точно заикаясь от испуга, засигналил паровоз. Поезд стоял, ожидая встречного. Федор видел, как бледные фонтанчики пунктиром запрыгали рядом с вагонами. Гул самолета словно исчез. Тогда пассажиры с истошными криками бросились из теплушек к лесу. Он был метрах в тридцати от железнодорожного полотна.

В зябкой и плотной рассветной тишине опять послышался рев мотора. Он нарастал мгновенно. Черная огромная машина, сверкая вспышками пулеметных выстрелов, проутюжила разъезд на бреющем полете.

Пассажиры, успевшие выскочить из вагонов, кинулись на землю. Именно по ним и открыл огонь бомбардировщик в третий заход. Федор бросился на землю, как и все. Мать чуть отстала от него. Плохо помня себя от страха, разбуженный в вагоне всесотрясающим воем, Федор и не знал, где она. Он только кричал в голос: «Мама! Мама!», но не думал о ней. Но она думала только о нем, искала его, слышала его голос... Когда бомбардировщик пошел на третий заход, мать по крику узнала, где он, и бросилась к нему.

Не успела добежать. Пуля настигла ее в двух шагах от Федора. И она сделала эти два последних шага, упала на

Федора, словно прикрывая его, маленькая, едва по плечо сыну. Грохот стих, будто и не бывало его вовсе. Только паровоз продолжал прерывисто свистеть. Синий пар от гудка поднимался над лесом, светился и розовел в лучах зари.

Это было первым, что увидел Федор, когда вскочил с травы, мокрой и холодной. А по спине текло теплое. Он перевернул рубашку. Испачкал руки в крови. Около себя увидел мать. Она лежала навзничь. Губы ее еще шевелились, но слов было не разобрать.

«Мама! Мама!..»

Он огляделся, ища поддержки, помощи.

Люди бежали к поезду. Несколько человек остались лежать в кювете у полотна, на опушке.

Федор снова посмотрел в лицо матери. Ее глаза глядели отрешенно. Точно где-то высоко в небе она увидела нечто ее успокоившее, и она не могла оторвать взгляд от этого.

Свисток смолк. Эхо удалилось в чащу и тоже стихло. Лязгнули буфера. Раз... Другой... Состав пополз.

Кто-то кричал из вагонов:

«Беги! Беги быстрее!..»

Подхватив на руки тело матери, он побежал. Споткнулся. Припал на колено. Снова посмотрел в застывшее родное лицо.

«Мама... Ты умерла? Да?»

Он потряс ее за плечи. Потом посмотрел на поезд. Последний вагон проплыл за поворот. Некоторое время еще слышалось уханье паровоза, набиравшего скорость.

«Ну, мам... Ты вправду умерла? А как же я...»

Федору очень хотелось заплакать, но он сдерживался: мать не любила слез. Он положил тело матери на траву. Вспомнил, что видел однажды женщину с таким же остановившимся взглядом и такую же безучастную. Ей брызнули холодной водой в лицо, и она ожила.

«Я сейчас, мам. Воды принесу.— Он поднялся, вся рубашка на груди была красной и липкой.— И помоюсь».

Он пошел к кювету с водой. По пути наткнулся на незнакомого старика. Тот лежал ничком. Федор перевернул его. У старика тоже были открыты глаза. На веке ползал муравей. Федор снял муравья. И вдруг зажал себе рот, чтоб не кричать. Он боялся, что вместе с криком, безостановочным, воющим — а он, не крича, слышал этот свой крик, — с ним расстанется и его жизнь и по его глазу вот так же поползет муравей.

Федор попятился от старика, словно боялся, что тот вскочит и погонится за ним. Он побежал к канаве и стал мыть руки, рубашку и тихонько скулил:

«Мамочка... мамочка...»

«Эй, парень!»

Федор подумал, что это немцы. Не оглядываясь, кинулся к лесу, свалился в кювет, принялся барахтаться.

«Не бойся! Иди сюда!» — крикнули ему от железнодорожного полотна.

Наконец Федор решил обернуться. На рельсах стояла дрезина-качалка. На ней сидело четверо. Двое в форме железнодорожников и двое в обычной одежде.

«Ты что здесь делаешь?» — спросил сидевший с краю железнодорожник.

«Н-ничего...»

«Отстал от поезда?»

«Мамку убили. С самолета стреляли. А поезд ушел. Я видел. Вот мамку-то как...»

На дрезине стали негромко переговариваться.

Один из сидевших на дрезине, в серой кепке и сером пиджаке, шевельнул качалку. Дрезина двинулась.

Федор испугался, что его оставят здесь, в лесу, одного с мертвым стариком, по глазам которого ползают муравьи, и страшной, неподвижной матерью. Он кинулся к дрезине, схватился за скобу сиденья:

«Дяденьки! Дяденьки, возьмите!»

«Раненые тут есть?»

«Нет. Не знаю... Возьмите!»

«Тише! — приказал железнодорожник.— Вроде рельсы стучат».

Железнодорожник спрыгнул с дрезины, приложился ухом к рельсу.

«Дяденьки,— шепотом просил Федор,— возьмите... Я картошку чистить умею...»

«Едут. Надо сматываться. А то не успеем до подъема добраться».

«Садись, малец!» — сказал железнодорожник.

Федор спросил вдруг:

«Кто же их похоронит? Вы партизаны?»

«Потом похороним. Нам надо путь на подъеме минировать. Немцы близко. Вставай на подножку!» — приказал железнодорожник и помог Федору.

Мужчины начали что было сил двигать друг на друга рычаг качалки. Дрезина быстро набрала ход.

Только потом Федор осознал происшедшее на разъезде...

* * *

После беспокойной грозовой ночи разведчики весь день пробыли на передовой, наблюдая за обороной противника.

— Федор был прав,— заметил Русских.— В тыл к немцам нам лучше всего по болоту просочиться. По лесочку бы, конечно, лучше, он прямо к нашим траншеям подходит. Но это-то мне и не нравится. Наверняка заминирован.

Младшему лейтенанту не ответили: приняли его замечание как окончательное решение командира. Когда стемнело, группа прикрытия проводила их через ничейную землю и ушла. За ночь разведчики преодолели болото и вышли на северный склон лесистого холма, поросшего старым мшистым ельником и осиной, поднялись к вершине. Обзор оттуда оказался действительно хорошим. Только правый фланг там, где лесок подходил к траншеям, не просматривался.

Время перевалило за полдень, солнце ушло за спины разведчиков, и можно было спокойно пользоваться биноклями.

Русских, Король и Иванов считались лучшими специалистами по наблюдению. Они поделили оборону противника на участки, и каждый проверял и перепроверял товарища, пока все трое не убеждались, что они действительно обнаружили огневую точку, подходы к ней, блиндаж, противотанковую пушку или минометы.

Немцы постреливали лениво, скорее для порядка, чем из желания завязать артиллерийскую дуэль. Наши так же сдержанно отвечали. С вершины холма, который походил на остров, окруженный болотами и потому не привлекавший к себе особого внимания, чувствовалось — противники копят силы, готовясь к жестоким боям.

Закончив наблюдение, разведчики спустились с холма, миновали болото и вошли в лесок. Осинки, а их было большинство, перемежались с орешником, цветущей белыми хлопьями калиной и высоченным дудником. Где-то в перелеске бил родник или родники, потому что по низинке петлял тихий ручеек, прозрачный и очень холодный. Стоило разведчикам подойти, как жабы и лягушки с плеском поплюхались в воду, замутили ее. Пришлось подождать, пока течение унесет муть, и разведчики всласть напились.

Впереди пошел Лапотников, у которого был удивительный нюх на мины. Хотя Федор и предполагал, что перелесок, наверное, минирован, немцы то ли пренебрегли лазейкой, то ли поставили мины вдоль опушки. Во всяком случае, Лапотников вел товарищей по руслу, которое оказалось заиленным только вблизи болота, а дальше дно было плотным, песчаным, словно хорошо утоптанная тропа.

На полдороге до наших позиций Русских задержался на минуту, передал планшет с картой старшему сержанту Иванову и приказал, чтоб они быстро двигались в штаб, где ждут этих данных, а он и Федор останутся и доразведуют холмик. Всем, мол, здесь делать нечего, а время дорого.

— Ждите через час-полтора,— сказал на прощанье Русских.

Младший лейтенант и Федор вышли из ручья и выбрались на край перелеска. Дальше путь им преградил овражек.

Выслушав соображения Федора о необходимости для немцев поставить здесь пулемет, младший лейтенант улыбнулся:

— Из тебя, Федор, генерал получится...

— Если не убьют.

— Ну вот... Чего мрачен?

— Да нет. Вы так сказали, будто не договорили.

— Нос у меня зверски чешется, Федор.

Устроившись удобно под кустом волчьей ягоды, они пролежали целый час, но взгорок на той стороне овражка казался все таким же безобидным.

— Ну, еще минут десять — и айда,— сказал Русских.— Ни черта там нет! Не статую же там фрицы поставили. Хоть бы пошевелился кто. И обедать пора — заслужили.

— Может, немец как раз спит после обеда,— пошутил Федор и хмыкнул.

— А ты, генерал, не смейся. Может, ты и правду сказал. Место спокойное, тихое. Обзор что надо. Двое могут дрыхнуть, а третий — мечтать.

Неожиданно, словно чертик из коробки, на вершине взгорка появился немец. Он высунулся по пояс, деловито откинул маскировочный дерн. В солнечном свете матово засветился вороненый ствол пулемета.

— Вот так, генерал! — сказал Русских.— Готовь гранаты. Их там трое. Ближе подбираться не будем. Метров на тридцать — и по моему сигналу.

— Чего они всполошились?

— Похоже, у нас зашумели. Добрались наши, их встречали.

Разведчики отползли в перелесок, скрываясь за кустами,

прошли в тыл к немецким пулеметчикам. И отсюда взгорок выглядел как обыкновенный взгорок.

— Хорошо, гады, замаскировались, — шепнул Федор.

Командир кивнул. Они находились уже метрах в пятидесяти от огневой точки. И тут шальной снаряд вздыбил землю около разведчиков.

Взрыв ослепил Федора. Грудь словно сжали тиски, и Федору никак не удавалось вздохнуть.

«Дышать... дышать...» — забилося в мозгу.

Он сумел вздохнуть, а открыть глаза было уже легко. Облако, стоявшее прямо над ним, колыхалось и норовило соскользнуть вбок, скатиться куда-то. Что-то черное, красное застилало глаза.

— Фе-о-дор... Фе-о-дор... — послышался шепот.

«Это меня... зовут... Куда? — Лениво подумалось разведчику. — Если я повернусь, упадет облако...»

— Жив?.. Федор...

«Русских... Где Русских?» — И тут Федор повернулся, увидел младшего лейтенанта. Тот полз к нему.

— Федор! Жив!.. — прошептал младший лейтенант.

— Жив, Антон, жив! — Федор вдруг почувствовал, что в силах двигаться. Он быстрым движением провел по лицу, размазал кровь. Но это уже было пустяком, потому что он не ощущал боли.

Они подползли друг к другу, прижались головами. Русских дышал тяжело, прерывисто, шептал на ухо солдату:

— Жив... жив, Федя...

— Отползай. Я их вот гранатой — и пойдем к своим.

Младший лейтенант помолчал.

— В живот меня... Понимаешь?.. Не выйти мне.

— Дотащу.

— Уходи! Слышишь, я приказываю: уходи.

Федор отполз даже, чтоб увидеть лицо Русских:

— Не в себе ты, Антон Петрович... Не пойду один. И отсюда не уйду...

— Доннерветтер! Ахтунг! — донеслось до разведчиков. Немцы копошились у пулемета, не оглядываясь назад, туда, где разорвался снаряд.

— Уходи... уходи... пока не... — Русских упал лицом в землю...

— К чертовой матери!.. Не пойду! Гады! Они-то живы...

Ярость, ослепляющая, как взрыв, охватила Федора. Он поднялся. Взял в левую пистолет, в правую — гранату и двинулся к пулемету. Он шел не скрываясь.

Лицо его заливала кровь, и гимнастерка была в крови и земле.

Он твердо ставил ноги. Временами ему казалось, что почва покачивается и норовит ускользнуть куда-то.

Перед взгорком он остановился, хотел отереть кровь — она застила глаза, — но только размазал ее по лицу.

Он был страшен.

Он мог бросить гранату отсюда, снизу, — пять метров отделяло его от окопа. Он бы и кинул, стоило кому-либо из фашистов оглянуться. Но они занимались пулеметом.

И теперь его ярость стала холодной и веселящей. Федор усмехнулся и двинулся на взгорок. Расставив ноги, занес гранату и заорал:

— Хенде хох! Шнель! Шнель! Гады! Быстро! Руки!!

Трое пулеметчиков оторопело обернулись.

— Форвертс! — Федор повел пистолетом. — Шнель!

Он кричал как одержимый, поводил пистолетом, тряс гранатой.

— Быстро! Туда! Шнель!

Солдаты и унтер с поднятыми руками вышли из окопа, торопливо двинулись к кустам, около которых лежал Русских.

— Взять! Хенде! Хенде! Шнель!

Унтер поднял ноги младшего лейтенанта, двое солдат подхватили раненого под плечи.

— Форвертс! Гады! Шнель! Шнель!

Он кричал как одержимый...

Немцы с раненым на руках спустились в овражек и, подгоняемые криками, быстро пошли в сторону наших позиций. Группа не была видна ни из тех, ни из других траншей.

Федор шел позади немцев и кричал, кричал, подскакивал к одному, к другому, тряс пистолетом и требовал:

— Шнель! Шнель! Гады! Быстро!..

Глава вторая

Дверь в землянку была открыта и поскрипывала. Солнце косо освещало обшивку из старых досок. Федор лежал и дремал. «Спи,—приказал Король,—во сне все болячки быстрее заживают». И Федор старался.

У землянки послышались шаги. В солнечном свете заблестели ярко начищенные сапоги, и незнакомый зычный голос проговорил:

— Вот где вы его прячете!

Сверкнули два ряда орденских планок.

Федор соскочил с нар, сунул ноги в сапоги. Генерал спустился в землянку.

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор!

— Вольно. Твое-то как здоровье? Садись, солдат.— Генерал снял фуражку и тоже сел.— Я тебя непременно хотел найти, Макаров. Посмотреть на тебя хотел.

— Извините, товарищ генерал, что одет не по уставу.

Приглядевшись к ладной, высокой и широкоплечей фигуре Федора, генерал сказал:

— Ничего. Приказом командования вы, рядовой Макаров Федор Тимофеевич, награждаетесь орденом Славы третьей степени. И вам присваивается звание ефрейтора.

Федор замер.

— «Славу»! Товарищ генерал..

— «Славу», Макаров. «Славу» третьей степени. Вот. Не

часто один по три «языка» приводит. Да еще в качестве санитаров,— улыбнулся генерал.

— Служу Советскому Союзу! — И неожиданно для себя тихо сказал: — Младшему лейтенанту бы тоже «Славу». Самый боевой орден.

— Русских этого ордена не дали бы. Им награждают только рядовых, сержантов, старшин. «Слава» — солдатский орден.

— Мне отец показывал дедова «Георгия», — сказал Федор.

— Ишь ты, славная у тебя семья.

— А отец партизанил в гражданскую, в Сибири.

— Ну, брат! — Генерал с интересом посмотрел на парнишку и продолжал: — Есть у ордена «Славы» еще одна особенность. Отличительная! Всеми орденами награждают и в мирное время. Даже Героя Советского Союза присваивают...

— Летчикам, которые спасали челюскинцев.

— Да. А вот «Слава» — боевой орден. Его можно заслужить только на фронте. За личный солдатский подвиг. Понял, Макаров?

— Так точно, товарищ генерал. — Федор вскочил с табуретки, стал «смирно».

— Вольно, вольно, Макаров. Ведь у нас не служебный разговор. В долгу, значит, у тебя фрицы за младшего лейтенанта...

— И за него.

— Садись, солдат, садись. Приказываю. А еще за кого?

— За маму... — ответил Федор.

— Большой счет. За всю войну, до нашей победы, им не расквитаться с тобой. С какого же ты года?

— С двадцать... шестого...

— Как же ты на фронт попал? Семнадцатилетний-то!

— Партизанил... Полтора года... Я эти места как свои пять пальцев знаю. И дальше, на запад, товарищ генерал... Потом по заданию перешел линию фронта. Попросился

в разведку...— Федор шмыгнул носом от волнения и рассердился на себя: «Как девчонка».

— Попросился, значит... С четырнадцати лет воюешь... Федор поднялся, лихо прицелкнул каблуками.

— Так точно, товарищ генерал!

— Отец-то где? Садись, садись.

— Когда мы с мамой уезжали к бабушке под Смоленск, на Магнитке был. Начальник цеха. А теперь не знаю где... товарищ генерал. Я писал, товарищ генерал, никто не отвечает.

— На завод-то писал?

— Нет, товарищ генерал.

— А еще разведчик!

Федор снова поднялся и совсем не по-солдатски прижал руку к груди.

— Я напишу, товарищ генерал. Обязательно напишу.

— Не отправлю я тебя в тыл,— спрятав улыбку, сказал генерал, разгадав причину волнения Федора.— Честно скажу: жаль лишаться такого солдата. Но носа не задирай! — Генерал поднялся.— Отца твоего найду. Такой человек не иголка. А тебя беречь посоветую... Так ты — с гранатой и пистолетом — «Хенде хох!», «Шнель!», и они пошли?..

Генерал рассмеялся.

— А чего же им было делать?— потупился Федор.— Подорвал бы я их — и точка. Разозлился я очень, товарищ генерал. Чувствую, не дотяну командира до своих. А тут гады лопочут, с пулеметом колупаются. Ну, думаю...

— Ведь и себя бы подорвал...

— Себя?— удивился Федор и с жаром продолжил: — Антону осколок в живот... Его надо было тащить. А тут... рабочая сила пропадала... товарищ генерал.

Генерал раскатисто рассмеялся:

— Ну, брат... рабочая сила...— Генерал протянул руку и, пожав руку Федора, задержал ее в своей.— А ведь годик-полтора накинул ты себе? Ладно, ладно... Это между нами...

Он неторопливо повернулся через правое плечо и вышел из землянки. Еще не затих скрип ступенек под генеральскими сапогами, как в землянку юркнул Тихон Глыба с встревоженным лицом. Но, увидев улыбающегося Федора, присел на нары и облегченно вздохнул:

— Пронесло... А я уж думал, в машину тебя и в тыл.

Спустился в землянку и Король.

— Сделаешь хорошее дело, — басовито бубнил Тихон, — а тут — начальство, будто для него старался. Ты командуй, чего хвалить...

— Будет тебе, Тихон.

— Сам теперь начальство. Сразу — в старшины. Федор, теперь Король командует, до прихода нового комвзвода. Ты слушайся.

Ничего не ответив, Федор лег: кружилась голова.

— Чего ты, Тихон, взъелся?

— Отправил бы генерал Федора в тыл... Вот и все.

— Не отправил бы, — ласково проговорил Король. — Он сам в семнадцать ротой у Азина командовал. Я знаю.

Федор слушал с закрытыми глазами. Он словно не лежал на нарах, а парил в воздухе — таким необыкновенно легким было его тело.

Воспоминания, будто боль. Не тревожить их — вроде ничего, а тронешь — хлынут потоком из прорванной плотины.

Федор не помнил отца таким, как на фотографии в семейном альбоме: усатый молодец оперся об эфес сабли, а по обеим сторонам от него сидят боевые товарищи в таких же заломленных папахах, в шинелях и кожаных куртках. Кто в крагах, кто в обмотках. Отец — в сапогах. Он командир.

Стоило Федору прикрыть глаза, и он видел избу, с тремя оконцами, огромной печью, и будто обонял чуть сладковатый запах угара, которым пропитывается изба за зиму. Но лицо отца таким, каким оно было до той ночи, он припомнить не мог. Именно та ночь стала его первым и осознанным воспоминанием детства...

Он проснулся оттого, что кто-то сильно, безостановочно бил в оконную раму и кричал:

«Тимофей! Тимофей!..»

Отец метнулся по избе, мать белым пятном шархалась от стола к печке и обратно:

«Куда ты их задевал! Где спички?»

Отец распахнул створки окна:

«Что?»

«Горит! Горит! Эта железяка твоя! Скорее, Тимофей!..»

«Толком говори, Михаил!»

Голова ночного сторожа старика Михайлы замоталась за окном.

«Железяка, которая вместо лошади!»

Отец сорвался с места.

«Что в сарай поставили! Ты ее еще керосином кормил! Ну, как ее звать?»

Одевшись на ходу, отец ударом ноги открыл дверь, выскочил во двор. Послышался топот его сапог, голос старика Михайлы. Мать все еще металась по избе в поисках спичек, потом тоже убежала.

Глухо и сначала очень медленно ударил набат. В открытое окно с улицы доносились взволнованные голоса.

Федор выбрался из кровати.

Как он мог оставаться дома, когда произошло такое! Горел трактор, о котором всю зиму только и говорили на селе. Сколько вечеров собирались сельчане в их доме, до одурения чадили злым самосадам, судили и рядили, подчитывая, что может лошадь и что может трактор.

И вот приобрели, миром, как еще говорили по забывчивости о колхозе. Отец сам ездил в город и сам рулил, гоня машину в село. Поставили его в специальном сарае, сторожа отрядили...

Никак не мог Федор найти сапоги. Грязь не подсохла на дворе, хоть весна, и со дня на день пора было начинать пахоту. Федор заплакал с досады; хотел босиком сигануть че-

рез окно, да вспомнил, что в сених оставил — грязные. Накинул шубенку — и, как был, без шапки, за всеми.

Все село всполошилось — бегут к горящему сараю. Ночь темная, безлунная, огонь ярче яркого кажется.

Еще издали Федор слышал крики, ругань, команды, доносившиеся от пожара, окруженного плотным кольцом людей. Меж взрослыми сновали малыши, такие же, как и Федор. Федор искал отца и мать.

Неожиданно толпа смолкла. Федор без труда протиснулся меж взрослыми, вылез в первый ряд.

«Тимофей!» — Это был голос матери.

Федор увидел ее. Она стояла близко к огню, в цепочке людей, передающих ведра друг другу. Однако глаза матери глядели в сторону. И Федор посмотрел туда же. Вход в сарай уже охватило пламенем. Соломенная крыша тоже была в огне, лишь один подветренный угол постройки еще не горел. И по этому углу, цепляясь за венцы, лез к крыше его отец.

«Тимофей! — снова крикнула мать. Федор стал рядом, схватившись за юбку. — Остановите его!»

Позади в толпе слышались голоса :

«Попробуй останови...»

«Чего же ворота не открыли?»

«Они-то и загорелись».

«Пашка поджег!»

«Мироеды!..»

«Облили керосином и подожгли. Попробуй сунься... Постаралось кулачье!»

Отец добрался до застрехи, стал сдергивать солому с крыши. В образовавшуюся дыру вырвались клубы дыма. Они заволокли отца. Потом над углом сарая взвился огонь.

«Тимофей!» — Мать бросилась к углу сарая.

Федор упал, вскочил, побежал за ней. Он не плакал. Он твердо помнил, что не плакал. Слезы мешали видеть, он вытер их.

Подбежав к матери, Федор принялся теревить ее за юбку. Их оттащили. И только когда они оказались поодаль от огня, мать подняла его на руки, снова рванулась к пылающему сараю и заголосила.

Но тут в сарае послышалось тарахтенье мотора.

Толпа замерла.

Потом мотор взревел. С хрустом разлетелись пылающие ворота. Из пламени выполз горящий трактор.

Бросились тушить трактор, тракториста...

Вот после той ночи лицо у отца перетянули ожоговые шрамы.

Федор помнит, как били самосудом Пашку. И забили бы насмерть, если бы не отец. Усовестил мужиков. Хотя и враг, а поступать надо по закону.

* * *

В землянке появился вестовой из штаба, и Король ушел вместе с ним.

— Значит, идем?— спросил его Федор вдогонку.

Кузьма не ответил.

Федору захотелось поворчать: мол, командирит, так и нос задрал. Но он промолчал, потому что младшему лейтенанту он не рискнул бы задать вопрос, а субординация есть субординация. Слово это Федору нравилось. Принес его в землянку разведчиков Тройной Иван.

«Может, Король за пополнением пошел? Кузьме определенно всучат кого-нибудь»,— подумал Федор. Он опять забрался в угол на нары, отвернулся к стене и, почему-то вдруг обидевшись, насупился. Сердился он не на кого-то, а на всех.

Вскоре вернулся Король. С ним пришел кто-то.

— Знакомьтесь,— сказал старшина.— Иван Булатов.

Федор не поднялся.

«Этот Булатов сегодня на дело пойдет, а я буду на нарах валяться»,— зло подумал Федор и еще крепче зажмурил

глаза. Он слышал, как разведчики знакомились с Булатовым, как на груди у того позвякивали медали, когда он тряс руку своим новым товарищам.

— Федор спит? — спросил Король.

— Уснул.

— Это тот Федор, который троих приволок? — спросил Булатов.

— Разведчик — золото, — сказал Король. — К ордену представлен. Генерал сказал, что непременно к ордену.

«Просыпаться» после таких слов просто подлость. И Федор старался дышать как можно глубже и спокойнее, даже посапывал на всякий случай. Злость прошла, потому что злиться на товарищей, оставляющих его, раненого, в тылу, глупо. Будто во сне Федор подтянул руку к груди, пощупал гимнастерку над клапаном кармана, то место, где будет прикреплен орден. В группе захвата только у младшего лейтенанта Русских был орден. Не каждому разведчику и не за всякий поиск дают ордена. Этак и орденов не хватит.

Так пролежал Федор весь вечер. Даже ужинать не вставал. Сначала ждал, что его разбудят. Но Тройной Иван остановил Тихона:

— Чего беспокоить человека? Наесться всегда можно. Ты вот выспишься власть.

По разговорчивости и смешливости новичка Федор понял, что Булатов очень рад, что попал в разведку, и волнуется перед поиском.

— Я и на гармошке могу, — услышал Федор голос Булатова. — Только инструмента нет. Неделю назад прямым попаданием блиндаж разбило. Сами-то уцелели — у соседей, будто знали, схоронились.

— Есть у нас инструмент, — сказал Король. — Вернемся с задания, покажешь, чего можешь.

Незаметно для себя Федор по-настоящему уснул.

Вдруг его словно толкнуло. Он сел. Услышал хруп ступенек под сапогами разведчиков, скрип двери.

«Ушли...» Сон слетел.

Хлопнув себя по карману, Федор нащупал коробок спичек, некоторое время сидел, вперившись в темноту и тоскуя, потом зажег коптилку. На столе увидел консервы, хлеб, сахар. Потрогал чайник — горячий. Удобно устроившись, Федор не спеша принялся за еду. Он знал — спать он не станет и не сможет, и знал, что сделает: пойдет на передовую и будет следить за тем, как группа просочится в немецкий тыл.

Он ел хлеб, мясные консервы, случайно взял кусок сахара, отправил его в рот, замер на мгновение от хруста, а затем продолжал жевать, не чувствуя вкуса подслащенных консервов. Здесь, в землянке, находился будто не он. Он был там, на передовой, где сейчас разведчики, сидя на корточках в траншее, докуривают самокрутки, неторопливо, с чувством смакуя махорочный дым, держа папироски за самый краешек, докуривают их до ожогов на губах.

Поужинав, Федор оделся так, словно и он идет в поиск, прибрал на столе, погасил коптилку. Он задержался у двери, чтоб глаза привыкли к темноте, вышел.

Небо было звездным, но безлунным.

«Зашла уже, — подумал Федор. — Вчера луна скрылась после десяти часов вечера, а сегодня после одиннадцати. Да и не луна еще — тоненький месяц. Но лучше без него».

Он шел, сдерживая шаг, зная, что разведчики провожающих не любят.

В траншее, откуда группа ушла в поиск, никого, кроме пехотинцев, не было. Его узнали, но ни о чем не спрашивали. Да и о чем? Из-под пилотки выглядывала повязка, и руки в бинтах, как в перчатках. Он присел на корточки рядом с солдатами. То, что после ухода разведчиков пехотинцы в траншее долго не спят, Федор тоже знал.

Не раз так, втихомолку, пробирался он на передовую, когда его еще не брали в поиск. Но тогда другое дело. Тогда он представлял себе, как разведчики ползут по ничейной

к месту прохода, облюбованному заранее, представлял, как они режут проволоку, как осторожно ползет впереди Лапотников, у которого нюх на мины. Он представлял... Теперь же он знал, точно знал, как это делается. И состояние у него было совсем другое. Тело было напряжено до предела, точно он не в воображении только, а на самом деле ползет по ничейной полосе и ощущает каждый камушек и выбоинку на земле.

По яркому, звездному и глубокому небу осени тащились расплывчатые тени редких облаков. Они выскальзывали неожиданно, скрадывали созвездия. Становилось вроде темнее. Федор радовался. Но вдруг с запоздалым шлепком выстрела взмывала на немецкой стороне ракета. Тени прятались, пронзительный свет, от которого было больно глазам, стоял над землей. Это длилось несколько медленных мгновений. Светильник, завершая параболу, падал. От предметов устремлялись торопливые тени, пересекались, сливались, и наступала тьма.

При взлете ракеты Федор привычно замирал, втягивал голову в плечи и оставался неподвижен, пока не мерк свет. Изредка фашисты для порядка пускали очередь из пулемета. Федор снова привычно сжимался. Время шло. И чем дальше, тем больше Федор ощущал озноб.

Солдат, сидевший рядом с ним, зевнул и сказал, окая:
— Шел бы домой...

Федор не мог ответить -- горло перехватило судорогой. Если бы он сейчас находился там, вместе со всеми, ему было бы легче.

— Дай затянуться...— хрипло попросил Федор солдата и не узнал своего голоса. «Зачем попросил? Я же не курю... Ладно».

Он взял «бычок», от дыма перехватило дыхание. В голову словно ударила тугая волна, земля поплыла под ногами.

— Шел бы домой...— снова повторил солдат.— Нам и то не по себе... пока не вернется группа прикрития.

Еще раз затянувшись, Федор осветил папиросой циферблат часов.

— Они...— он прокашлялся, сунул самокрутку владельцу,— они должны перейти... уже.

Длиннющая пулеметная очередь прошла ночь стежками трассирующих пуль. Потом в небо взвились две ракеты — одна за одной. Федор вскочил, приник к бойнице. Ничего не увидел на ничейной земле — ничего, кроме воронок, зыбких теней.

— Пронесло...— сказал солдат.— Пойдем чайком побалуемся.

Федора знобило.

— Мне не холодно...

— Да... ожидать страшнее, чем ползти.

«Мне, ведь мне действительно, по-настоящему страшно,— подумал Федор.— Как никогда...»

Но вот шорох... Совсем явственный шорох. Чуть слышный разговор с передовым охранением. Через бруствер переваливается группа прикрытия.

— Прошли?— чужим голосом спросил Федор.

— Прошли,— ответил ему кто-то.

Вглядевшись, Федор узнал командира отделения.

— Идем к нам,— предлагает отделенный разведчику.— Мину новую волочем. Как ее Лапотников унюхал? Хитрая...

— Я тут... Попрошусь переночевать.

— Горячий чай,— торопливо предлагает стоящий рядом солдат.— Оно и заночуешь.

В блиндаже темно. Отовсюду слышится храп, посапывание.

Пройдя ощупью к столу, Федор сел на лавку, опустил голову на сложенные руки. На минутку... А очнулся от грохота утреннего артобстрела, вскочил.

— Сиди, разведчик. Давай завтракать. Фриц «гутен морген» говорит. Не может без этого. Бойтся, что нам завтрак без его огонька невкусным покажется.

Снаряд упал близко. Скрипнул накат. В щели посыпалась сухая земля.

— Вот, гад... Поперчил-таки.

Говорок был незнаком. Федор оглядел обитателей землянки, но не мог угадать в них своего вчерашнего соседа. Его, может, уже и не было здесь.

— Пей чай, разведчик,— продолжал балагурить солдат.

Федор знал, что если не в отделении, то в каждой роте наверняка есть такой вот шустрый боец. Ему прощают остроты и шутки невпопад, иногда сердятся, но не по злобе, любят.

Шустрый солдат пододвинул Федору кружку и сухарь.

— Кускового сахара нет, а песок — из-за наката.

Кивнув в знак благодарности, Федор выпил чай и съел, подсаливая, размоченный в кипятке сухарь.

Очень не хотелось идти в свою пустую землянку...

Федор околицей миновал погорелое село и углубился в березовый лес, светлый даже в пасмурное утро. Листья уже начали опадать. Жухлый ковер шуршал под сапогами. Идти беззвучно было почти невозможно. Это раздражало Федора. Незаметно для себя он двинулся по лесу мягким шагом разведчика, прикрываясь стволами, потом выхватил и метнул финку. Она вонзилась в дерево метрах в тридцати.

«Во бросочек! — обрадовался Федор.— Русских позавидовал бы... А в таком лесу разведчикам плохо — просматривается метров на триста. Его в поиске лучше обойти...»

Выдернул нож из березы, снова прицелился и бросил финку. И снова удачно. Перебегая от дерева к дереву, он приблизился к «пораженному противнику». Какие-то грибы словно выскакивали из-под листвы. Он сшибал их носком сапога, спешил дальше. Остановливался, прислушивался и заключил, что шелест опавшей листвы не так уж предательски шумен: слишком звонки были порывы ветра, запутавшиеся в сухих пожелтевших вершинах.

Вдали меж белых стволов промелькнула темная фигура. Федор спрятался за ствол и принялся наблюдать. Человек

был в солдатской форме, с погонами рядового. На согнутой левой руке у него висела корзинка, а в правой он держал палку.

Федор решил подпустить грибника поближе — узнать, насколько верховой ветер заглушает шуршанье листвы под ногами. Он каждую минуту ощущал себя разведчиком. Это въелось в плоть и кровь. Но, поразмыслив, Федор передумал — ведь он в прифронтовом лесу. Испугай Федор грибника, тот еще стрельбу поднимет, может и нож пустить в ход. И будет прав.

Выйдя из-за ствола, Федор пошел к солдату. Грибник остановился. Подойдя к нему шагов на пятнадцать, Федор узнал солдата, который пригласил его вчера переночевать в землянке.

— Зверишься, разведчик? — спросил солдат.

Не успел Федор сообразить, что ответить, как солдат замахал руками:

— Стой! Стой! Экий ты... А еще разведчик! Гляди, белый раздавил.

Солдат подскочил к самым ногам Федора, тот отпрыгнул.

— Да чего ты? Совсем одичал?

— Я тренируюсь.

— Эх, ты... — Солдат искренне огорчился. Крупная, в ладонь, темно-коричневая шляпка гриба оказалась раздавленной в лепешку. — Был белый... Я всего десятка два их и нашел. А этот — самый крупный.

— Наплевать, подумаешь! Кому нужны грибы?

Солдат грустно посмотрел на Федора. В эти мгновенья он показался Федору старым. Веселинка в глазах, которая очень молодила его, погасла. Федор увидел щуплые плечи, со свесившимися на грудь погонами, опустившуюся пряжку ремня. Вид у солдата был далеко не бравый.

— Ты хоть лес-то видишь? — спросил солдат.

— Плохой лес.

— Да, для войны он негод. Светлый, сквозной. Березки часто стоят, одна другой расти помогают, одна другую подравнивают. Глянь на верхушку — пилотка свалится. Редко где такие леса остались. Может, вместе грибочков поищем?

— Вот еще! Мне некогда.

— Ну прощай.

Про себя Федор подумал, что отказываться было не след, все равно делать нечего. Но, представив себе, как надо бродить по лесу, уткнувшись носом в землю, чтоб не прозевать какие-то дурацкие грибы... Тэм Король, Глыба, Тройной Иван, Лапотников и этот... Булатов, может, бой ведут. Подумав о своих товарищах, Федор вспомнил и о том, что мигомходом сказал ему, вернувшись, отделенный из группы прикрытия:

— Мину новую волочем. Лапотников обнаружил.

«Вот это дело! — обрадовался Федор. — Это не грибы!»

Он быстро пошел из леса. Было около полудня, солнце разогнало облака, и свет хлынул в березняк. Березки раскачивались под ветром, точно праздничная толпа людей, поющих какую-то торжественную песню.

Федор невольно оглядел лес еще раз.

* * *

— Не везет нам на музыкантов... — проговорил Тройной Иван. Его длинное лицо было сумрачно. — Еле выбрались. Крепко затянули фашисты оборону.

— И «язык» черт те что, а не «язык», — поморщился Глыба. — Обозник. Видать, только появился.

— Обозник дай бог сколько знать может... — заметил Король.

— Особенно с полными штанами, как этот, — не унимался Глыба.

Разведчики вернулись из поиска голодные, обросшие и злые, — погиб Булатов.

— Так всегда бывает,— вступил в разговор Федор.— Либо в первом поиске новичок погибнет, либо станет по-настоящему разведчиком.

Король кивнул. Он отправил в рот ломоть свиной тушенки и не мог говорить.

Прихватив гармошку, которую он поставил на видное место перед приходом разведчиков, Федор отнес ее обратно в темный угол, где хранил свои оружейные сокровища Лапотников.

— Чует мое сердце — послезавтра опять пойдем,— сказал Глыба,— до черта техники у немцев напихано. Нужен стоящий «язык».

— Нужен-то нужен, а как его взять...— протянул Тройной Иван.— Как пить дать, не просочиться нам. Нипочем.

Федор слишком хорошо знал Ивана — тот не станет понапрасну говорить, да еще такое. Король глянул на Ивана серьезно, как бы соглашаясь с ним:

— Завтра с утра пойдем на передовые посты. Надо искать лазейку.

— Утро вечера мудренее,— согласился Глыба.

Утром мудренее не стало. Еще затемно Король и Федор ушли на передовые посты — изучать немецкую оборону. Вместе со старшиной Федор в густых утренних сумерках отправился на НП.

Ночью выпал иней. Затянутое сплошным пологом небо светлело исподволь. Было зябко. Запахов почти не чувствовалось. Но земля и травы запахи сильно, когда стали оттаивать.

Разведчики поступили чрезвычайно нагло, заняв под НП взгорок, прострелянный немцами до такой степени, что он выглядел перепаханным. Фашисты били по нему регулярно с десяти до половины одиннадцатого и с шестнадцати тридцати до семнадцати.

Перед взором Федора открылась передовая. «Классическая передовая», как сказал бы младший лейтенант Рус-

ских. Наши позиции протянулись вдоль опушки леса. Перед передовой линией наших траншей начинался пологий склон лощины. По дну ее сочился ручей. Крохотная узкая пойма его поросла густой жесткой осокой, кое-где поднимались хилые купины лозняка. Далеко справа, где стояла разрушенная теперь запруда, росло пять старых ветел. Они торчали в разные стороны, словно перессорились между собой.

Скаты лощины на всем протяжении рубежа пристреляны с нашей и с немецкой стороны все равно что полигон. Да и укрыться на этих склонах невозможно. Даже воронки от снарядов и мин не могли послужить надежным убежищем. Они располагались ниже огневых точек и просматривались почти до дна. Только, пожалуй, кратеры от авиабомб можно было посчитать укрытиями.

Эти-то кратеры и крупные воронки старшина и поручил Федору нанести на план.

Они проторчали на взгорке до без четверти десять и успели уйти, прежде чем немцы принялись его обрабатывать.

Четыре дня дежурили разведчики на своих наблюдательных постах. По вечерам собирались, кумекали, прикидывали так и сяк — ничего не получалось.

В землянку пришел капитан Терехин, начальник полковой разведки. Он попал к ужину и долго сидел молча, будто только проведать пришел, а потом вдруг:

— Хоть и дало начальство сроку неделю... да не дождалось. Посылают сегодня дивизионную разведку.

Король нахмурился, прокашлялся, но ничего не сказал. Глыба усмехнулся, а Тройной Иван потрогал подбородок, словно желая убедиться, что выбрит он достаточно тщательно. Федор опустил глаза, хотя ему, наверное, как и каждому, хотелось сказать, что весть не из приятных. Да и знают ли дивизионные разведчики передовую так, как они? Или они что-то просмотрели?

— Приказ, который дан вам, не отменяется,— добавил, помолчав, капитан.

— Это другое дело,— все еще не скрывая обиды, выско-
чил Федор.

Капитан продолжал:

— Они собираются на стыке пройти.— Начальник полко-
вой разведки ткнул пальцем в карту.

Молчавший Лапотников дернул головой:

— Т-там... м...

Федор не выдержал:

— Мины там! Новые, противопехотные,— прыгающие
«лягушки».

— Они наших саперов берут.

— Так они едва разобрались в устройстве! — сказал Фе-
дор.— Я был у них. Не выйдет проход на стыке.

Поднявшись, Король официально спросил:

— Разрешите сказать, товарищ капитан?

— Слушаю.

— Не пройдут они. От души желаю, чтоб прошли. Но не
пройдут. Напрасно горячатся ребята. Тут такая оборона, что
просочиться, обычным путем достать «языка» — не выйдет.
Они хорошие ребята, но они не боги. А здесь и боги не
пройдут.

Капитан, прищутив глаз, чтоб не мешал дым папиросы,
спросил:

— Как же вы думаете выполнить приказ?

— Не знаем еще, товарищ капитан.

— Осталось три дня...

— Так точно...

После ухода капитана в землянке воцарилось тягостное
молчание. Дело было не в обиде на то, что дивизионные раз-
ведчики «обскачут» их. Хотя и обидно немного...

Глубокой ночью немцы подняли такой тарарам, что сразу
стало ясно: не прошли дивизионные.

Утром позвонил капитан. Федор об этом догадался по
последней фразе, сказанной Королем:

— Есть, во что бы то ни стало.

Потом они до обеда торчали на передовой. Немцы постреливали, наши отвечали. Когда начинался артиллерийский и минометный обстрел, фашисты исчезали из траншей по ходам во вторую линию окопов. То же делали и наши. Но стоило затихнуть обстрелу, как по ходам сообщения фашисты и наши солдаты быстро возвращались в первую линию. Так же поступали и разведчики.

На следующий день Король решил присмотреться к позициям сразу после обстрела. И они остались в блиндаже. Там оказался и кое-кто из хозяев.

— Чего это вы? — удивился Глыба. — К богу на свиданье торопитесь?

Один из солдат махнул рукой.

— От этой курносой не набегаешься!

Федор узнал солдата:

— Это мы с вами в траншее сидели, когда наши в поиск ушли?

— Со мной, со мной. Ты, браток, без чаю соснул. Так волновался... — Боец оживился, обрадованный тем, что разведчик узнал его. — Сколько я на фронте? Без малого два года, почитай. Трижды раненный был. Один раз в бою. Но крепко. Думал, протяну ноги...

Разговаривая с окающим солдатом, Федор тем не менее чутко прислушивался к обстрелу. Сидеть в блиндаже под огнем ему приходилось не часто, да и не доверял он почему-то накатам. В поле — там хоть по звуку слышишь недалет, перелет, а в воронке — так любо-дорого. Русских говорил, что раз на десять тысяч снаряд в одно место падает. А тут и рядом разорвется фугас, а накат съедет — накроет.

Сначала фрицы вроде баловались, а потом принялись долбить передовую всерьез. Разрывы слились в свирепый, оглушающий гул. Земля дергалась, тряслась, не успевая даже постонать, так плотен был минометный обстрел. Крякал и трещал накат. Уши заложило от ударов. Голова, казалось, распухла.

Едва смолкло, разведчики выскочили из блиндажа.

— Сейчас наши вдарят! — погрозил кулаком Глыба.

При первых же залпах фашисты скрылись из первой линии.

— Король! — потряс Федор своего командира.

Тот нахмурился, но не обернулся.

— Товарищ старшина...— Сначала Федор подумал было обидеться на Кузьму: отвечал же тот на неуставное обращение в землянке, чего же тут требует? Но мысль, мелькнувшая у него, представлялась такой неожиданной, рискованной и в то же время верной, что обида отошла на задний план.— Товарищ старшина! А ведь среди фрицев тоже смелые есть.

— Убедиться хочешь?— усмехнулся Глыба.

— Можно и так повернуть.

— Конечно,— согласился Тройной Иван.— Ведь кое-кто из них, наверное, тоже остается в блиндажах при обстреле. Нам-то что?

— Я серьезно,— настаивал Федор.

Сердитый Король оторвался от бинокля:

— Загадки да ребусы на последней странице «Огонька» печатают. Дело есть, так говори.

— Я и говорю... Наверное, и у фрицев есть солдаты, которые остаются в блиндажах во время нашего обстрела.

— Тебе-то что?..— снова очень сердито проговорил Король, всем своим видом показывая, что у него нет ни малейшего желания шутить. Усы его топорщились из-под каски.

— Наши дают огня,— торопливо заговорил Федор, боясь, что его не дослушают до конца.— Мы подбираемся к ихним траншеям...

— Давай-давай...— Король вновь приник к биноклю, безнадежно вздохнул.

Но Федора уже нельзя было остановить, и, по мере того как он развивал свой план, разведчики смотрели на него всё внимательнее.

— Мы подбираемся... Наши — молчок. Мы — в блиндаж. Хватаем этого храброго немца. Наши — огонька, чтоб удержать фрицев во второй линии. Мы сидим в блиндаже. Опять наши молчок. Мы — на нейтралку. Наши — отсечный. А мы с «языком» — к себе.

— Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить, — длинно, как ругательство, проговорил Глыба.

— Это вы, ребята, зря! — твердо сказал Иванов.

— Точно, получится! — горячился Федор.

— Загнуться под своими минами? — сердито пробубнил Глыба. — Нет, Федя, это ни к чему. Пошутить — так не ко времени.

— Товарищ старшина! — обратился Иванов к Королю. — Товарищ старшина, давайте хоть по времени прикинем. С минометчиками поговорим.

Король долго молчал, будто не слышал, потом повернулся, тронул указательным пальцем усы, широко улыбнулся:

— А ведь вроде действительно дело!

— Конечно, Кузьма, дело... Простите, товарищ старшина, — вытянулся Федор, но Король рукой махнул.

— Наши начинают. Засакайте время, — приказал он. — Осторожней, черти! Снайперу на мушку не угодите. Они во время обстрелов что осенние мухи.

Федор приник к щели, положив перед собой левую руку, на которой были часы. Отметив время, Федор мысленно рванулся через ничейную полосу к немецким траншеям. До них пятьсот метров.

«Нет, так не пойдет, — остановил сам себя Федор. — Двигаться надо ползком, от воронки к воронке. Хорошо, что Король поручил мне нанести их на план!»

Остальную часть дня заняли совещания. Сначала с начальником полковой разведки капитаном Терехиным. Тот пригласил начальника артиллерии, и они долго разрабатывали план ведения огня. Затем разведчики сходили на минометную батарею, рассказали о своей задумке. Под вечер

по одному отправились на наблюдательные пункты артиллеристов. Они проследили за пробной пристрелкой. Немцев «приучали» к тому, что минометный огонь ведется тремя волнами. Первая длилась двадцать минут, вторая — десять, третья — снова двадцать с перерывами в пять минут.

Налет назначили на одиннадцать дня.

В свою землянку разведчики вернулись поздно — усталые, притихшие. Ужинали торопливо, словно старались поскорее лечь и остаться наедине со своими мыслями о завтрашнем дне.

Уже когда Король задул коптилку, Федор неожиданно спросил:

— Кузьма, а куда же пчелы денутся? Ульи ихние разбиты...

— Пчелы?

— Да.

— В дупла попрячутся. Одичают.

— А обратно их приручить можно?

— Спи, Федор. Это всю ночь лекцию читать надо. Что тебе до них? — ворчливо удивился Король. И в то же время порадовался: не одна война интересует парня.

— Подумалось... — отозвался Федор на вопрос и снова спросил: — А грибы полезны?

Глыба раздраженно откликнулся из угла:

— Поганки — нет! И давайте спать!

Лапотников произнес нараспев:

— По-го-во-рить хо-чешь — п-пойдем. Не с-с-спится м-мне...

— Всем спать! — приказал Король. — Когда с меня наказание снимут — командовать вами?!

В землянке настала тишина. Федору вспомнился пионерский лагерь и вечерний сердитый голос вожатого, который опаздывал на танцы, если в палате долго не засыпали. Он улыбнулся про себя, стало тепло на сердце, и пришел сон: Федор вместе с ребятами из пионерского лагеря бегал по

светлому, тонкоствольному березовому лесу, гоняясь за огромными мохнатыми пчелами, которые не кусались и были совсем ручными...

Он поднялся отдохнувшим, хотелось замурлыкать песню, но остальные разведчики выглядели сосредоточенными, суровыми, и Федор не решился нарушить общее настроение.

— Автоматы Лапотникову и Глыбе,— приказал Король.— Остальные с пистолетами, автоматы только мешать будут. Пистолеты, гранаты, ножи.

Ходом сообщения прошли во вторую линию траншей переднего края. В блиндаже их ждал капитан Терехин.

— Осталось пятьдесят минут. Вот фрицы отстреляются в положенное время, и наши возьмутся за дело. Хорошо, что сухо. Там не мешкайте. Наши минометы будут работать как часы. Сверим, кстати. Все по моим сверяли.

Федор заметил, что лицо капитана сегодня очень бледно. Или освещение такое? Но говорил начальник разведки необыкновенно много. Тогда Федор вспомнил себя, когда он провожал своих в поиск, как сидел и ждал.

Немцы провели артналет методично и деловито, как зубренный урок.

Разведчики вышли на исходные. Федор опять увидел склон, побитый взрывами, знакомые очертания воронок, прикинул, по каким из них им надо ориентироваться.

На той стороне лощины, у перелеска, разорвались первые наши мины.

Король взмахнул рукой.

Сунув ногу в нишу для хранения оружия, Федор быстро и ловко оттолкнулся от противоположной стенки траншеи, навалился на бруствер, скатился на ничейную полосу. Замер. Огляделся. Пополз к ближней воронке. Вдруг рука наткнулась на что-то острое, раскаленное. Федор зашипел, отдернул руку. По ладони потекла кровь.

«Осколок от мины!» — мелькнуло в голове. Федор лизнул ранку и пополз дальше.

На той стороне лощины, над немецкими окопами, дыбился дым разрывов и пыли.

В воронку Федор скатился последним. Король глянул на него сердито, и тотчас они поползли дальше.

Вторая воронка, третья... Ручей.

Пригибаясь, они перешли полосу липкой грязи, цепляясь руками за осоку. Они держались метрах в пяти друг от друга, а Лапотников и Глыба двигались позади.

Теперь они поползли вверх по склону. Федор то и дело поднимал голову: ему казалось, что желтая полоска — глина на бруствере немецкого окопа — почти не приближается. Саднила глупая рана на ладони.

Вытягивая вперед левую руку, Федор косился на часы: пятнадцать минут прошло... восемнадцать! А еще метров пятьдесят до проклятого бруствера.

Взрывы мин отодвинулись в глубь немецкой обороны.

— Эх, рывком бы! — сжав зубы, простонал Федор. — Одним рывком!

Но Король ползет. Значит, нельзя рывком.

Запоздалая мина шлепается совсем близко.

«Ошалели!» — Федор помянул недобрым словом минометчиков.

Стало слышно, как тяжело дышат позади Лапотников и Глыба.

Бруствер. Прыгают в немецкие траншеи. Вот и блиндаж.

Иванов проскакивает поворот.

— Стой! — окликает его Король. — Стой!..

За Королем — Федор. Он видит черное пятно пота на гимнастерке старшины.

Ступени вниз. Дощатая дверь, сбита крест-накрест.

Король ударом ноги распахивает ее:

— Хенде хох!

Все трое вваливаются в помещение. Тихо. Пусто.

Иванов громко сморкается:

— Не вижу храброго фрица.

На столе посреди блиндажа остатки еды, бутылки, на краю зеркало, мыльница со взбитой пеной, опрокинутый стаканчик с водой. Слышно, как, стекая, падают в лужицу на земляном полу капли.

— Фу-у... — перевел дух Король, рукой сшиб со стола посуду, присел, рукавом вытер пот.

— Ну? — в дверь на мгновение заглядывает Глыба.

Все молчат.

Чужой блиндаж воняет портянками, сапогами, чувствуется едкий, незнакомый запах одеколона.

В блиндаж вошли Глыба, Лапотников. И только они прикрыли дверь, взвыла мина. Минометчики работают как часы. Земля колотится, бьется под взрывами.

«Крепко наши корежат», — как-то отрешенно думает Федор.

Мина рвется над дальним углом блиндажа. Треск. В промежутке между разрывами глухо осыпается земля.

Федору кажется, стон послышался в углу.

Снова мина бьет совсем рядом. Над головой Федора крикает бревно, ему на плечи сыплется песок.

Распахивается дверь. Это вышли в ход сообщения Глыба и Лапотников.

— Кто-то стонал, — говорит Федор.

Он становится на четвереньки. Смотрит под нары... Темно. Ничего не видно. Король и Иванов опускаются на корточки.

— Показалось... — вздохнул старшина.

— Нет! Вон!..

Федор различил какое-то белое пятно под нарами, в дальнем углу блиндажа. Нырнул под настил. Кто-то схватил его за горло. Федор ударил наугад, извернулся, пнул ногами.

Затрещали доски нар. Кто-то из товарищей пришел на помощь Федору. Пальцы немца ослабли. Он истошно завопил. Федор поднялся, выхватил из кармана припасенную веревку. Верзила в мундире нараспашку бился в объятиях Ко-

роля. Федор ребром ладони ударил его по шее. Немец стих. А Иванов уже успел скрутить пленному руки.

— Время! — крикнул в дверь Глыба.

Король и Иванов поволокли немца к выходу. Он упирался. Федор подталкивал гитлеровца в спину.

В спешке они волоком протащили немца по ходу сообщения к траншее.

Федор видел теперь ошалелое лицо с хлопьями засохшей мыльной пены на щеках. Из рта немца торчала чья-то палочка. Король и Иванов выскочили на бруствер. Федор с помощью Лапотникова вытолкнул пленного наверх. Глыбе просто не дотянуться. Федор покосился на часы: «Осталась минута».

Разведчики вместе с «языком» кубарем скатились с бруствера, вскочили, пригибаясь побежали вниз по склону.

Они были метрах в тридцати от гитлеровских траншей, когда позади ударили мины, наши мины.

Это условленный отсечный огонь. Взрывы ахают звонко, будто в пустой комнате. Осколки шепелявят над головой, хлопают по земле. Но Король продолжает бежать. У него в руках веревка, второй конец — у Иванова. Они волокут пленного. Он то и дело падает, его подхватывают, снова тащат.

Вдруг немец делает отчаянную попытку. Он с размаху бросается в сторону, в глубокую воронку. Король и Иванов падают. Федор с ходу кидается в кратер. Он видит, как немец спружинился, поджал ноги и готов встретить его сокрушительным ударом. Федор резко отталкивается, перепрыгивает через гитлеровца и катится вниз. Перед глазами лишь на мгновенье мелькнули желтые запыленные сапоги. Федор успевает обхватить их и дернуть на себя что есть силы, раньше, чем немец ударил. Гитлеровец упал.

— Не бей! — кричит Король.

Федор и не собирался. Слишком дорого достался им этот «язык».

Пленный очень хорошо понимал, что разведчики спешат. Жизнь их самих на волоске. Где-то на флангах, конечно, заметили разведчиков, их смелый налет, возвращение с добычей. Теперь уже немецкие мины должны засыпать ничейную полосу, отсечь и уничтожить группу.

Немец не встает. Он словно не слышит приказов.

— Ауф! Ауф! — кричит Король.

Гитлеровец лежит с закрытыми глазами.

— Поволокли!

Теперь за концы веревок берутся по двое. Федор покоился на часы. Двенадцать минут... А они еще не перешли ручей! Снова бег под горку. С ходу в ручей. Выскочили грязные как черти.

Стихает позади минометный огонь.

Федору слышно, как рядом с надрывным присвистом дышит Иванов и ругмя ругается. А у Федора еще достаёт сил обернуться. Немец корчится, пытается встать.

Пулеметная очередь просвистела над головами, когда до траншей оставалось метров двадцать. Потом ударила мина.

Король, Иванов и Глыба вместе с пленным скатились в окоп, а Федор на мгновение задержался. Он словно почувствовал — упал Лапотников, который замыкал группу. Федор оглянулся через плечо — действительно. Тогда Федор кинулся к нему на помощь и точно ударился об огненный тугой столб.

Глава третья

Ему еще не разрешали вставать, но Федор одолжил костыли, халат и тапочки у соседа и поднялся с койки. Дрожали ноги, кружилась голова, под ложечкой стоял ком тошноты, тело покрылось противным потом. А ведь Федор даже не вышел из палаты.

— Федя, вертался бы ты на место,— сказал раненый, лежавший у входа.

— Нет,— прохрипел Федор. Задержавшись, он отер ладонями лицо, словно умылся.

На секунду привалившись к косяку, Федор перевел дух и шагнул за дверь. У него была цель. Он убедил себя: если в день, когда он встанет, ему удастся дойти до конца коридора, до окна, то все будет хорошо. Он вылечится и опять отправится на фронт, хотя врачи утверждали, будто «такой возможности не предвидится». Однако Федор не представлял иной жизни, кроме, как жизни на фронте, иных отношений, кроме солдатского братства.

Когда раненые в палате заводили разговоры о довоенной жизни, о своих специальностях и профессиях, спорили о чем-то, мечтательно уставясь в потолок, вздыхали: «Бывало...» или «Помню, как...» — Федор безучастно таращился на окно, затянутое искристыми морозными листьями. Он будто и не помнил этой своей «довоенной» жизни. Она выглядела такой незначительной, нескладной... Окончил шесть классов, поехал с мамой к бабушке отдохнуть, а попал в полымя войны.

Во фронтовых воспоминаниях все было точно: «Подо Ржевом это случилось, зимой...» или «Мы тогда только что фрица из Новгорода вышибли...» Все становилось простым и ясным. Тогда Федору было что рассказать. И Федор горячился, спорил, доказывал правильность действий того или иного рассказчика в бою. Это было интересно, увлекательно.

Но если разговоры «А, бывало...», «Помню, как...» напоминали ему блеск реки, соседских голубей, Дворец культуры, куда мама водила его три раза в неделю, и он там пел, читал стихи: «...Качаются в седлах бойцы и молчат, и только копыта о землю стучат...», то мечты о будущем: «Вот добьем гада...», «Вернусь я домой...», которым так охотно предавались раненые, совсем не трогали Федора. Он не

представлял себя в том мире, где люди старше его чувствовали себя уверенно и свободно. Поэтому возвращение в землянку разведчиков, к Королю, Глыбе, к Тройному Ивану становилось конечной целью, без которой жизнь теряла свои реальные очертания.

Федор шагнул в коридор. Он знал: там, в дальнем конце у окна, на круглом столе, покрытом простыней с черным госпитальным клеймом, стоял аквариум. Даже не аквариум. Просто большая банка с обрезанным верхом. И в ней плавали золотые рыбки, водоросли. Его сосед по палате кормил этих рыбок и ухаживал за ними. Рыбки Федора не интересовали, но он знал, что до конца коридора добирались лишь окрепшие раненые.

Банка на столе была косо освещена. Федор двинулся к ней. Шагов десять дались ему легко, но потом он покачнулся и, подавшись в сторону, привалился к стене. Глаза он не закрыл: боялся, что потеряет равновесие. Слабость усилилась. Тогда он решил идти во что бы то ни стало и пошел. Ноги словно не находили опоры, костыли не слушались. Он взмахивал ими, словно крыльями, скачками продвигался вперед, оказывался то у одной стены, то у другой. Но Федор не сводил глаз с яркого, солнечного пятна в конце коридора, и оно приближалось с каждым мгновением.

Федор рухнул на лавку в полуобмороке. Взвыла болью рана на бедре, голова раскалывалась. Однако когда Федор отошел, он ощутил на своих губах улыбку. Тогда он сел удобнее, облокотился на стол. Блики, отраженные от стенок банки, от поверхности воды, слепили. И было приятно сощуриться. Вдруг память досказала остальное: он увидел реку, залитую солнцем, почувствовал запах сохнущего песка, знойный жар. Услышал голос отца: «Не струсишь?» И его, Федора, звонкое: «Нет!»

Они в тот день переплыли Урал. Это произошло перед отъездом, в очень редкий выходной, самый праздничный из всех выходных, потому что с ним был отец. Такое случалось

не часто. Правда, когда Федор заболел, лучшей сиделкой оказался отец. Он как-то умел, не навязывая своей воли, заставить Федора принять лекарство, поест, уснуть, и все без капризов, слез, молений, чего не умела сделать мать.

И Федор почувствовал: все обойдется. Две недели назад он получил от отца записку с оказией. Несколько строк:

«Узнал все о маме и тебе. Жаль, что нам с тобой нет возможности увидеться. Писать тоже нельзя, сам понимаешь: военная тайна. Очень обрадовался, услышав о тебе такие отзывы. Поздравляю тебя со вступлением в комсомол. Мне передали: стал ты комсомольцем в тылу врага, в партизанском отряде. Пришлось и тебе попартизанить, как и мне в свое время. Будь настоящим солдатом. Обнимаю. Отец».

Но последние слова были зачеркнуты. И написаны другие. «Целую. Папа».

Исправление тронуло Федора до глубины души. «Как же ему тяжело...» — подумал тогда Федор.

Воспоминание об отце было приятным и радостным. Даже боль прошла. Федор открыл глаза.

Воду в банке по-прежнему пронизывало низкое косое солнце, но блики уже не слепили. Они мягко играли на устланном песком дне. Водоросли перестали выглядеть просто черными тенями. Они были зелеными и свежими. Такими зелеными и свежими, какими только могут быть водоросли в чистой, прозрачной воде, пронизанной солнцем.

Рыбки тоже просвечивались насквозь. Они были необыкновенно сочного красного цвета. Федор очень четко разглядел рыбок.

Они вроде только что начали плавать, а до этой поры оставались как бы неподвижными. Рыбки стронулись с места, плавно качнувшись плавниками. Они двигались друг за дружкой, казалось строго соблюдая дистанцию. Церемония продолжалась, пока рыбки не сделали вдоль стенок несколько кругов. Потом одна, паря, опустилась ко дну, взбила там

клубочки песка и, распластав плавники, вознеслась к водорослям.

Кольцо распалось.

Теперь рыбки плавали в беспорядке, старательно пересекая курс одна другой, но на разных уровнях.

В сознании Федора мелькнуло сожаление, что он ничего не знает о рыбках. Он почувствовал словно потерю от того, что не знал о них раньше — много-много раньше, чем сегодня. Он понимал: ничего не изменилось бы, но, может быть, его связь с жизнью была на одну ниточку крепче. Такие ниточки связывали с жизнью Кузьму Короля — его любовь к пчелам; того солдата-грибника — его любовь к лесу; Семена Петровича — соседа по госпитальной койке — его любовь к золотым рыбкам.

«Почему я не подумал об этом раньше? — спросил себя Федор.— Потому, что видел только потолки, потолки...» Потолок в палате, потолок, который надвигается и уползает назад. Яркие лампы. Они тоже надвигались вместе с потолком коридоров и операционных. Трещинки на потолках, похожие на изображения ручьев на двухверстке. Дверные проемы — точно предел...

Почти год непрерывной боли, отчаянных ночей, надежд, перемежаванных кошмарами.

Федор вздрогнул.

Одна рыбешка подплыла к стенке банки как раз против его лица. Забавная, смешная рыбешка. Она смотрела на Федора черными выпученными глазами, ротастая, как девчонка-подросток. Она старательно, плавно разевала рот, будто выговаривала:

«Че-го те-бе на-доб-но?...»

Не в силах сдержать улыбки, Федор так же старательно и плавно пошевелил губами и немо проговорил:

— Ни-че-го...

Ведь чудо уже свершилось. Его снова и еще больше заинтересовал мир, в который он словно вернулся.

— Отвечает? — услышал он негромкий вопрос и по голосу узнал соседа — Семена Петровича.

— Отвечает, — тоже заговорщическим тоном сказал Федор.

— Чего?

— «Не печалься, ступай себе с богом, починят тебя так, что не хуже прежнего будешь».

— Главный хирург фронта приехал. Слышал? Топай в палату. Понятно? А то вставят тебе такой фитиль...

— Спасибо, Семен Петрович, — по-прежнему тихонько проговорил Федор. — Бегу.

Семен Петрович проводил его до койки. Федор едва успел отдышаться, как в палату вошел огромный, в больших очках, рукава халата закатаны выше локтя, главный хирург фронта. Позади него, как хвост кометы, двигались начальники отделений, ординаторы и еще какие-то люди, халаты на которых висели словно форма на новобранцах. Главный хирург сверкнул очками и буркнул:

— Здравствуйте, товарищи...

В ответ прозвучало довольно нестройное:

— Здравия желаем!

Не привыкли солдаты и офицеры приветствовать начальство лежа.

— Где он? — не оборачиваясь к сопровождавшим, спросил главный хирург.

— У окна, слева.

Главный хирург подошел к Федору:

— Здравствуй, солдат.

— Здравствуйте.

Глаза за большими очками с толстыми стеклами выглядели очень крупными, навывкате. Страшноватыми...

Осматривая Федора, главный хирург хмыкал, хрюкал, то довольно, то настороженно. У хирурга были толстые и очень проворные руки в веснушках, поросшие густыми рыжими волосами. На первый взгляд, это были беспощадные,

безжалостные руки, но хирург умел ими пользоваться так, что даже прославившейся на весь госпиталь своей «легкой рукой» сестре Маше было далеко до его нежности и точности. Он то и дело оборачивался к хирургу госпиталя, который делал Федору уже четыре операции. Тот отвечал, через слово посыпая латынью.

— Сколько воюешь? — обратился он к Федору.

— Три года.

— Сколько? — Хирург склонил голову, посчитав, что ослышался, смешно сморщил лицо в крупных морщинах.

— Три года.

— Подожди... подожди... Так сейчас тебе едва семнадцать.

— Так точно. Семнадцать.

— Как же ты успел?

Федору стало жарко.

— Партизанил. Потом в разведке, — заплетающимся от волнения языком проговорил Федор. «Вот попал! Этот уж наверняка прикажет близко к фронту не подпускать».

— Родители погибли... — Хирург не спросил, а кивнул.

— Мать — да... Отец пишет, чтоб я был хорошим солдатом. Вот письмо. Я правду говорю. — Федор влажными от волнения руками все пытался нащупать под подушкой письмо отца.

Главный хирург ждал, очень внимательно приглядываясь к Федору. Прочитал записку.

— Что ж, коли по семейной традиции пошло...

— Так точно, товарищ главный хирург. Да и что я в тылу буду делать?

— Пожалуй, об этом-то и стоит прежде всего подумать.

— Почему?

— Ну, а если подумать?

Федор не сдержал улыбки. Уж больно точно получилась у хирурга интонация этой любимой младшим лейтенантом Русских фразы.

— Понял. Наши войска вступили сегодня на территорию Германии. А улыбнулся я... Вы очень похоже... как младший лейтенант Русских сказали. Он командовал группой захвата. Погиб...

— Что ж, солдат,— подумав, проговорил хирург,— в прятки с тобой играть не годится. Не из того ты десятка. Операция сложная, тяжелая и рискованная. Выйдет — тогда будет все в порядке. Нет — инвалид.

Сверкнув очками, хирург поднял руку, останавливая Федора, который готов был дать согласие тотчас.

— Уговор, солдат! Ответ завтра.

— Я не отвечу иначе...

— Завтра! — Главный хирург поднялся, обратился ко всем в палате: — Вопросы есть?

Вопросов не было ни у кого. Огромный, ссутулившийся главный хирург сунул свои рыжие руки глубоко в карманы халата.

Когда дверь за последним врачом из свиты закрылась, лежащий у входа раненый тихонько засмеялся:

— Чего далась тебе эта операция? Жить будешь. Хромой, но будешь. А тут такой риск...

Федору очень хотелось, чтобы Семен Петрович спросил его об операции. Если сосед путался в своем прошлом, многого не помнил, то в настоящем он разбирался совсем неплохо. Однако Федор знал: не надо спрашивать у Семена Петровича совета. Он не ответит «да» или «нет». Он станет вместе с Федором серьезно и вдумчиво разбираться в создавшемся положении, рассматривать «за» и «против», но само решение предоставит Федору. Знал Федор и другое: если бы Семену Петровичу сказали, что у него есть выбор между жизнью вот так, в том состоянии, в котором находился Федор, и рискованной, очень рискованной операцией с малоизвестным исходом, сосед согласился бы не мешкая. И еще Федор был уверен, что отец его посоветовал бы ему то же.

Так уж получилось, что Семен Петрович выписался из госпиталя в один день с Федором. Но самой большой радостью было то, что возвращался Федор в свою родную часть. Находились они в далеком тыловом госпитале, и им предстояло ехать до железнодорожной станции на пароходе. Устроились, по счастливой случайности, в двухместной каюте.

Однако радость предстоящей встречи с друзьями омрачилась для Федора каким-то непонятным для него тревожным состоянием духа. При воспоминании о фронте неприятно сжималось сердце. Однажды Федор не мог заснуть долго, до рассвета. А едва он смежил веки, вдруг огненный столб, в точности тот, о который он ударился, бросившись на помощь Лапотникову, встал перед глазами.

Вскочив, Федор кинулся на пол каюты. Замер.

— Ты что?— услышал он встревоженный голос Семена Петровича.

— Ни-ни-ичче-го-о...— Федор весь дрожал, зуб не попадал на зуб.

Семен Петрович грубо сказал:

— Встать!

Федор повиновался. Кое-как сладил с волнением. А взглянув на Семена Петровича, встретил на лице у него ласковую, мягкую улыбку:

— Это бывает. И будет еще. Понимаешь?

— Почему?

Семен Петрович отвел глаза, стал смотреть в окно.

— Не знаю солдата, у которого такого не бывает. Особенно когда из госпиталя опять на фронт.

— Я — трус...

За окном проплывали низкие берега. Тонкая пленка тумана всплыла над землей и словно разрежала надвое редкие, поднявшиеся над кустами ели. Вершины росли словно отдельно.

— Дурак! — резко воскликнул Семен Петрович. У него опустились плечи, а глаза стали беспокойными.— Глупость ты сказал. Понимаешь?

— Нет.

— Самое страшное... это не когда в первый раз идут в атаку... Не во второй даже. Ты пойми! — Семен Петрович говорил, стиснув руки, и в голосе его дрожали слезы.

Так по крайней мере показалось Федору.

— Ты какой раз тяжело ранен?

— Первый,— ответил Федор.— А так, не дальше медсанбата, пять. Удачно обходилось.

— У меня хуже — третий раз по несколько месяцев. И каждый раз самое страшное — ехать на фронт. Дорога туда... Потом, среди своих, в бой идти легче. А вот по пути туда... Жутко!

— Вы поэтому и поседели...

— Я не святой... Понимаешь?

— Спать боюсь,— признался Федор.— Боюсь, снова... приснится.

— Потерпи до вечера. Может, во вторую ночь не привидится... с усталости.

Днем было совсем не страшно, хотя время от времени ночной кошмар всплывал в памяти. И тогда Федор как бы погружался в себя, присматривался в своей душе к новому чувству осознанного страха, который еще предстояло победить.

На передовую он приехал другим человеком — повзрослевшим, понявшим многое.

* * *

Отыскав землянку разведчиков, Федор не сбежал, а спустился по лестнице.

— Разрешите доложить!

Король с погонами младшего лейтенанта сидел у стола, облокотившись; крохотный Тихон Глыба, как обычно, ле-

жал на нарах с толстенной самокруткой — дымил; сержант — картинка с тоненькой ниточкой черных усов над верхней губой, — кто? В дальнем углу видны на нарах огромные сапоги сорок шестого размера, не меньше. И еще в землянке серенький такой солдатик с красным носиком уточкой. Это, наверное, один из тех, которые без выправки особой, без особых примет впервые встретили врага где-нибудь под Смоленском или под Ржевом. Потом они раз десять выползали и вырывались из «котлов», раз двадцать — тридцать участвовали в штурмах, да таких, что от дивизий оставались батальоны. И вот до Германии дотопали и до Берлина дойдут. Таких счастливых Федор встречал. Вот хоть бы Глыба. А это — Глыба-второй.

Но Тройного Ивана нет...

— Посмотрите-ка, Федор!.. Федор! — воскликнул Глыба. Он двинулся было к Федору, но голос Короля остановил.

— Докладывай! — не поднимаясь, приказал Кузьма.

У Федора губы задрожали от обиды.

Доложил. По форме, по уставу, черт возьми!

— Иванова мы потеряли, Федор. Садись, — ответил на рапорт младший лейтенант Кузьма Король.

— Когда его... — сглотнув набежавшую слюну, спросил Федор.

— Никогда. Просто потеряли. Вчера. — Король хлопнул ладонью по столу. — Возвращались под обстрелом. Смотрю уже в траншее — нет Иванова. Вот с ним шел, — кивнул Король на сержанта-картинку. — Где он? — взревел Король, обернувшись к сержанту.

Тот вскочил. Желваки заходили на скулах.

— Я докладывал, товарищ младший лейтенант...

— Слышал!.. Садись, Федор. Подлечили?

Федор поставил вещмешок на нары, подошел к столу.

— Как новый, — постарался улыбнуться Федор.

— Так... Так... Ладно, садись. Водки выпьешь? Приучился небось.

— Не то чтобы приучился, но выпью.

— Стемнеет — пойдешь! И чтоб был! Живой или мертвый! — рывкнул Король, снова обернувшись к сержанту.

— Так точно, товарищ младший лейтенант... Разрешите выйти?

— Ступай.

Сержант-картинка, сверкая приспущенными голенищами начищенных до сияния хромовых сапог, выпорхнул из землянки.

Облегченно вздохнув, Король потрогал согнутым указательным пальцем пышные усы, поднялся, обнял Федора:

— Сержант — хороший парень. Разведчик-спортсмен. Ясно?

— Понятно, товарищ младший лейтенант.

— Полно, Федор. Дождались тебя награды! Обе «Славы». Что не отвечал на письма?

— Честно?

— Честно!

— Боялся, не вернуться мне. А тогда...— Федор махнул рукой.

— Правы, значит, были Глыба с Тройным Иваном. А я, признаться, хуже подумал, Федор. Подсаживайтесь, ребята.

Подойдя к нарам, Федор протянул руку Глыбе, заранее став очень твердо. Тихон схватил руку Федора и сильно дернул на себя, но Федор устоял.

— Помнит! — захохотал, обнимая Федора, Глыба.— Помнит, как с Глыбой здороваться.

В блиндаже стало шумно, но разведчик в огромных сапогах будто ничего не слышал. Он спал в положении «смирно», лишь руки его с переплетенными пальцами покоились на груди.

— Однако меня-то Федор не опознал, поди,— немного разочарованно, но с улыбкой напомнил о себе окающий солдат.

— Как вы сказали?— переспросил Федор и закрыл гла-

за.— Узнал! Мы с вами ночью в траншее сидели, когда наши пошли без меня в поиск...

— Точно,— восхитился солдат-счастливчик.— Оpoznал! Оpoznал!

Обернувшись к спящему, Король громко позвал:

— Егор!

— Ухм...

— Федор приехал!

— Оч... хорошо...— Носки огромных сапог сдвинулись, но это было единственным движением.

Постаравшись состричь, Федор сказал:

— Пожарником он был, что ли?

Разведчики рассмеялись громко, раскатисто.

— А ты откуда знаешь?— Из полутьмы, которая стояла в дальнем углу землянки, появилось широченное лицо с красноватыми спросонья глазами.

— Он пожарником по совместительству служил, а спит — так по фамилии. В аккурат,— съехидничал Глыба.— Не разбуди Косолапова — сутки проспит.

— Поесть я не забываю, Тихон. Это ты напраслину...— И Косолапов легким движением поднял свое огромное тело, быстро нахлобучил на лысую голову пилотку

— Поиск был удачным?— спросил Федор.

Король помотал головой:

— Плохой из меня командир захватгруппы. Сначала все вроде шло. А вот в этой проклятой Пруссии третью неделю торчим — и ни с места. Бои местного значения. Это в его, в фашистском, логове! Берем одного «языка» — и ни бум-бум. Новенький. Необстрелянный. Сам ничего не знает. Хуже нас оборону свою понимает. Берем второго — то же самое. Пробовали, как ты тогда, за что тебе вторую «Славу» и повесили, в траншею забраться. Не тут-то было! Они из первой траншеи, если по нужде,— и то рядом... Вот и ору... А толку? Чего орать?.. Пойду Сороку позову. Страдает ведь человек. Давайте наливайте. Я мигом.

Король вышел.

Солдат-счастливчик быстро и бесшумно разложил что надо на столе. И все осторожно, без колготни, славно — раз и готово!

Сверху, с улицы, послышался голос Короля:

— До полной темноты не выпущу! Со мной пойдешь. Насвоевольничаешь — знаешь, у меня не заржавеет!

«Действительно, трудно Король командует», — подумал Федор.

— До полной темноты полтора часа. Марш в землянку! Приказываю!

Когда они спустились, их уже ждал накрытый стол и полные кружки. Разведчики только утром вернулись из поиска, и им был положен отдых. И ничто, казалось, не могло его нарушить. Часа через полтора группа собиралась выйти на поиски Иванова.

Подошло время, и Федор уже ждал фразы Короля: «Готовы? Пошли...», когда наверху послышались голоса и, топоча сапогами по ступенькам и громко пыхтя, двое пехотинцев волоком втащили в землянку связанного немца, а за ними шел старший сержант Иван Иванович Иванов. Живой и вроде здоровый, только вываленный в глине.

Появление Иванова и солдат с пленным фрицем было настолько из ряда вон, что никто сначала не двинулся с места.

— Отсекли меня немцы, товарищ младший лейтенант, — докладывал Иванов. — Вскочил, когда отходили, в воронку. А высунуться невозможно. Чего ж задаром пропадать? Лежал тихо. Они, гады, заприметили, видно, воронку ту. Вот и пожаловал ко мне гость в сумерках. То ли моими карманами интересовался, сволочь, то ли хотел Железный крест хапануть за дарового «языка». Только он мне сам до зарезу нужен. По расхлябанной обутке судя, давно здесь ошивается. Обутку эту я потом разглядел. Ну, а когда до своих дотацил, попросил ребят помочь. Уж больно умаялся. Еще не

стемнело толком, а я решил не ждать — чего вам лишку волноваться. Все, товарищ младший лейтенант.

— Чертушка ты, Иван! — воскликнул совсем не поставному Король.

Разведчики кинулись обнимать перемазанного в глине Иванова.

Пехотинцев поблагодарили за помощь, угостили, и они ушли.

Тогда Иван повинился:

— Вы, товарищ младший лейтенант, не сердитесь, что я в землянку фрица приволок. Но я рассудил так: как же, не доложив своему командиру, дальше попрусь.

— Ты его не очень? — поинтересовался Король.

Для разведчиков главным действующим лицом сейчас стал пленный.

— По-моему, легонько... — заволновался и сам Иванов, потому что немец лежал без движения, с закрытыми глазами.

К пленному наклонился Сорока — сержант-картинка:

— Придуривается. Вон веки дрожат.

Король приказал развязать пленному ноги. Сержант полоснул ножом по веревке, а потом прислонил рукоятку ножа к виску пленного, как приставляют пистолет. Пленный взвыл и откатился в сторону.

— Вот и все, товарищ младший лейтенант! — отпарировал сержант.

— Веревку-то чего приспичило резать? — обиделся Иванов. — Она у меня была счастливая.

Тогда Сорока с удивительной для Федора душевностью проговорил:

— Прости, Иван. Поторопился сдуру.

С этой минуты Федор словно перестал замечать, что сержант — картинка, а усы у него щегольской ниточкой.

Жалкая кучка сморщенных прошлогодних ягод клюквы лежала на ладони Федора. Он раздумывал: проглотить их или от ягод еще больше захочется есть. Расположившийся рядом Косолапов беспокойно крутился и трубно вздыхал. Тройной Иван, тот куда более сдержан.

Он сокрушенно изучал изодранный в десятидневных скитаниях маскхалат, брюки, гимнастерку, сквозь которые просвечивает белье. Оно тоже измазано болотной жижей, глиной, пылью.

Разведчики проползали на брюхе добрые полста километров, и после такой работы им бы гречневой каши со свиной тушенкой. От мысли о еде липкая горечь обволокла рот, и Федор, уже не раздумывая, кинул в рот горстку клюквин. Ягоды оказались пресными, вымороженными.

У Короля запали щеки и ушли под надбровья глаза, а так и не догадаешься, что он вчера утром сам разделил последний сухарь на семерых.

Тетка Ивана, солдат-счастливчик Свиридов, и Глыба находятся метрах в пятидесяти, на взлобке, поросшем частым ельником. Оттуда хорошо просматривается дорога.

Впрочем, голод, изодранная одежда — все это чепуха, досадная чепуха. Вот если им придется вернуться с пустыми руками... Хотя и не совсем с пустыми. Десять дней они наблюдали оборону противника, десять дней сообщали по радио в штаб о расположении дотов, минных полей, танковых ловушек, минометных и артбатарей, о движении танков, пехоты противника. Но все это тоже выглядит чепухой по сравнению с тем, что им было поручено сделать.

Схваченный Ивановым солдат рассказал много важного и интересного. Но главным в его показаниях была одна деталь: со времени подхода наших войск к укрепленному району там появился полковник, который, как говорили, и создавал всю систему оборонительных сооружений. Впрочем, о миссии этого полковника толком никто не знал.

О полковнике говорили и другие пленные. Все они утверждали, что полковник — большой чин и с его мнением считаются. Сходились и другие показания. Таинственный полковник ездил на бронетранспортере, нигде особенно долго не задерживался. Однако его наезды всегда совпадали с прибытием новых подразделений, их размещением и разработкой системы сопротивления. Один из пленных утверждал даже, что будто бы оберст — один из приближенных самого рейхсмаршала и будто он поклялся Герингу, что коммунисты скорее расшибут себе лоб, чем войдут во владения рейхсмаршала.

Захватить полковника или, по крайней мере, документы, карты, планы, которые, возможно, могли оказаться в бронемашине, и было поручено группе Короля. Задача осложнялась тем, что группу пришлось забрасывать очень спешно. Крестник Тройного Ивана оказался человеком знающим и смысленным. Он сообщил о новой, хитрой, малознакомой ему самому системе сигнализации, которая устанавливалась в проходах между укреплениями, помимо минных полей с сюрпризами. Такая система сигнализации о проходе в тыл на их участке еще не была установлена, но на следующий день ее могли смонтировать. Для этого, очевидно, и прибыл в их подразделение таинственный полковник.

Командование и начальника разведки не смутило появление новой системы оповещения, а вот столь близкое соседство полковника заставило поторопиться. Когда и где мог он вынырнуть вновь — неизвестно, а солдат даже указал место стоянки бронетранспортера.

И в ту же ночь группа прошмыгнула в немецкие тылы. Бронетранспортер действительно находился у штаба полка, но подобраться к нему не было никакой возможности. Целое утро разведчики изучали в бинокль саму машину, чтоб не спутать — спаси и сохрани! — с однотипной машиной. Днем и особенно ночью по прифронтовым дорогам двигалось много солдат и техники. Напасть вот так, за здорово живешь,

на бронетранспортер и думать не приходилось. Тем более, что полковник, видимо, знал себе цену или просто не желал рисковать и не ездил в одиночку, а норовил пристроиться к колонне или к машине.

Разведчики ежедневно докладывали по радио о скоплениях пехоты, танков, об обнаруженных дотах, дзотах и блиндажах, но на вопрос «Березы»: «Где «черепаша»?» (кодовое название бронетранспортера) и «Как с «улиткой»?» (условное прозвище полковника), Король отвечал, что «черепаша» бегают, а «улитка» не показывается. Вчера истощилось питание рации. Командир группы с трудом разобрал приказ: «Ускорьте операцию. Ускорьте операцию».

Усы Короля за десятидневные скитания так отросли, что совсем прикрыли губы, и никто не разглядел горькую улыбку.

— Последний приказ — ускорить операцию... — проговорил он молчаливым товарищам.

Только Федор позволил себе невольный вздох. С отвычки, наверное, от приказов. Будто они не стараются! Но не доложишь же по радио, даже в последней передаче, что они разгадали систему, по которой этот проклятый полковник объезжает укрепрайон. Бронетранспортер все ближе подходит к подразделениям левого фланга фашистских войск, неприступного уже потому, что там болото — километра три открытого пространства, поросшего буйной осокой и топкого. Король посылал туда Федора и Глыбу. Они были очень осторожны, но раз пять искупались в затянутых яркой травой трясиновых окнах. За болотом на возвышенности дорога идет по великолепному лесу: чистому, светлому, будто подметенному. Если бы им в той дубраве встретился паркет, они даже не удивились бы.

И вот, коли их предположения верны, то сегодня полковник должен проехать через этот лес. Здесь, на левом фланге немцев, движение по дороге совсем незначительное. За день они насчитали четырнадцать машин с обратными рейсами.

Кроме того, дорога тянулась по ненаселенной местности. В лесу Король и решил накрыть бронетранспортер с полковником.

Хотя завтрак не предвиделось так же, впрочем, как и обеда, а равно и ужина, однако по какой-то неведомой причине разведчики посидели некоторое время с таким видом, будто они не то ели, не то отдыхали после еды. Федору, который в госпитале привык к режиму, было особенно тяжело: кружилась голова, болел желудок, и любое воспоминание о еде превращалось в пытку. Раньше, до госпиталя, он мог не есть и по трое суток и не ощущать таких мучений. И теперь Федор злился на себя за изнеженность и слабость. Конечно, у него и в мыслях не было жаловаться или сетовать.

По знаку Короля разведчики поднялись и поползли за командиром. Настало время, когда обычно на дороге появлялся бронетранспортер. Король взял за правило, чтобы за бронетранспортером наблюдали все. Только в том случае, если каждый подтверждал: появившаяся на дороге машина именно та, с полковником, — Король считал, что они видели интересующий их бронетранспортер. Внешне машина ничем не отличалась от других. Но в манере вождения бронетранспортера разведчики заметили одну особенность. Водитель держал всегда одну скорость — тридцать километров в час. Он не сбавлял темпа ни на поворотах, ни на спусках — двигался размеренно. Встречные же машины по неизвестной причине жались к обочине.

Сегодня разведчики подобрались совсем близко к дороге, чего обычно не делали. Трассы охранялись усиленно рядами пехотинцев и мотоциклистами. Однако дорога в лесу патрулировалась только мотоциклистами. Если бы речь шла об уничтожении бронетранспортера! Тогда группа давно бы выполнила задание, хотя бы и ценою собственных жизней.

В ту ночь, когда группа уходила на задание, разведчиков провожал сам начальник дивизионной разведки. Все фор-

мальности были закончены: сданы документы, фотографии родных, близких, письма. Всё, кроме оружия: автоматов, пистолетов, ножей, гранат. Семеро в маскхалатах стали безмянными призраками, облеченными в плоть, как бы уже принадлежащую не им, но только делу.

Федор словно в первый раз переживал эту минуту, словно в первый раз уходил в тыл врага. И прощальные слова капитана Терехина были наполнены особым смыслом и значимостью.

— От успеха вашей операции зависит развитие наступления. Значит, жизнь сотен, а может быть, и тысяч наших товарищей. Чем лучше мы будем знать оборону врага, тем меньшей кровью сможем добиться победы над ним.

И теперь Федора не оставляло чувство особенности, гордости.

Он подполз к Счастливику, удобно расположившемуся в зарослях низких елочек, окинул взглядом дорогу. Асфальтовая лента, лениво извиваясь, сползала с высотки, на которой они обосновались, в долину, где находилась развилка. Разведчики всегда старались выбрать место для наблюдения так, чтобы просматривать значительный участок дороги и развилки.

— Один! — Солдат особо протянул «о».

Сначала никто не понял восклицания Свиридова, наблюдавшего за дорогой в бинокль.

— Один! Один бронетранспортер! Без сопровождения. Посмотрите, товарищ младший лейтенант.

Счастье было настолько неожиданным, что Федор поверил в него не сразу, даже когда увидел вдали темного жучка на серой полоске асфальта. Он все ждал, что через секунду-другую из-за поворота, из-за лесочка выедет на дорогу либо грузовик с солдатами, либо еще какая-нибудь машина. Но жучок по-прежнему полз в одиночку. Он двигался, как всегда, размеренно, упрямо, словно в шоферском кресле сидел автомат, а не человек.

— Один! Правда один! — не удержался и Федор.

Король не отрывал глаз от бинокля. Бронетранспортер приближался к развилке. Разведчики замерли. Федор чуть подался вперед и шептал:

— Сверни! Сверни! Поворачивай в лес, гад!

И бронетранспортер свернул, свернул к лесу.

— Бегом! — выдохнул Король.

Ему не пришлось объяснять куда. Забыв об осторожности, разведчики кинулись к дороге в лесу, которая находилась от них в двух километрах, а бронетранспортеру за это же время предстояло проехать, примерно, шесть. По расчету Короля, они достигнут шоссе буквально на несколько секунд раньше, чем к этому месту подъедет полковник.

Федор оказался впереди всех. Скотившись с пологого холма, он влетел в великолепный лес и обрадовался его чистоте и простору. Он помчался со всех ног. Подсумок с двумя противотанковыми гранатами мешал ему. Тогда Федор взял гранаты в руки. Бежать стало легче. Покосившись, он увидел догнавшего его Сороку. Сержант бежал легко. Остальные отстали метров на двадцать.

— Не лезь под пулемет,— сказал Сорока на бегу.

Федор кивнул.

— Сзади бросим и сбоку.

Федор опять кивнул.

Они пробежали полпути, когда Федору показалось, что он слышит шум мотора. Он припустился еще быстрее, но ему тут же пришлось сбавить темп: боль в спине — старая рана — дала о себе знать. Тогда вырвался вперед Сорока, который бежал так, как бегают спортсмены, а гранаты у него в руках выглядели точно эстафетные палочки.

— Не могу... — проговорил ему вдогонку Федор.

Теперь кивнул Сорока.

Шум мотора слышался теперь явственно.

Меж деревьями стала видна яркая полоса — дорога, освещенная солнцем. А бежать надо было еще метров три-

ста. Федор поглядел влево, в ту сторону, откуда ждали бронетранспортер. И там ясно виднелась меж стволов полоса дороги. Лес, еще минуту назад бывший другом, снова стал врагом, предателем. Сидящие в машине без труда могли заметить в просвеченном солнцем лесу людей, которые опротя мчались к шоссе.

Но, видимо, они мчались с необыкновенной скоростью. Разведчики подбежали к обочине, спрятались за деревьями, а машина с полковником все еще не появилась.

— Не лезь под пулеметы! — Теперь это был приказ Короля. — Рассредоточиться. Дистанция — двадцать — тридцать метров. Первым бросает гранату левофланговый — Сорока. Занять места.

Федор остался около Сороки. Они, как и остальные, залегли у крайних к дороге деревьев, спрятавшись за комлями, около которых поднималась густая, но пожухлая трава.

И вот, словно специально дождавшись, пока разведчики займут удобную и выгодную позицию, из-за поворота появился бронетранспортер. Он был тупорыл, в камуфляжных разводах. Через открытый броневой щиток виднелось лицо шофера. Он то и дело оборачивался, очевидно отвечая на чьи-то вопросы.

Тень от бронетранспортера скользила по краю кювета сбоку и чуть сзади, и Федор подумал, что Сорока бросит гранату именно тогда, когда тень машины окажется против дерева, за которым тот спрятался. И не ошибся.

Быстрая фигура Сороки взметнулась рядом с деревом, едва передние колеса бронетранспортера поравнялись с комлем. Потом Сорока сделал два прыжка к машине и швырнул гранату. Сам скатился на обочину.

Взрыв прозвучал отчетливо, резко. Тишина взвизгнула убегающим эхом. Оно еще не смолкло, а разведчики уже оказались около машины, завалившейся в кювет. Брюхо бронетранспортера разворотило. Федор, подоспевший к машине первым, прыгнул в кузов.

Взрыв прозвучал отчетливо, резко.

Удушливо пахло взрывчаткой. Федор чихнул, протер на-
полнившиеся слезами глаза. Четверо фашистов погибли. Фе-
дор отодвинул труп полковника в сторону и схватил висев-
ший на нем планшет. Затем он обыскал изуродованный
труп и взял все бумаги, какие нашлись, сунул в подсумок
от гранат, которые предусмотрительно оставил у дерева.

— Машина! — слышался крик Глыбы.

— В лес! Быстро! — приказал Король.

Федор был у дерева, нагнулся за гранатами, которые
здесь оставил, когда пули с треском расщепили кору над
его головой. Тогда он залег у комля и дал очередь по маши-
не. Но немцы уже выскочили на противоположную сторону
дороги и залегли.

Это было ошибкой. Разведчикам пришлось бы куда хуже,
если бы фашисты оказались на одной стороне с ними. Тогда,
прячась за деревьями, враги без труда окружили бы группу.
Теперь же им предстояло пересечь под огнем шоссе.

Федор увлекся яростной, но бестолковой перестрелкой и
не сразу понял, зачем Король отзывает его в лес. Его и Сви-
ридова. Федор оставил гранаты, как они лежали, — их про-
сто некуда было положить — и, захватив подсумок с бума-
гами и автомат, пополз за Королем.

Немцы падали отчаянно, но, как при всякой отчаянной
стрельбе, огонь их не отличался прицельностью. Пули виз-
жали, били будто кувалды по стволам, шепеляво рикоше-
тили.

Когда они спрятались за ствол какого-то дерева, Король
приказал, протянув Федору пачку бумаг:

— Спрячь к тем. Приказываю — добраться живыми.

Федор приложил руку к груди. Он не ожидал такого по-
ворота. Он не хотел оставлять товарищей. Федор уже открыл
было рот, но Король просто поднес пистолет к носу Федора.

— Во что бы то ни стало — добраться живым. Передать
документы. Тебя, Федор, будет сопровождать Свиридов. —
Король опустил пистолет. — Он проведет через минные поля.

Всё. Мотайтесь! — И, не дожидаясь положенного ответа, Король пополз обратно к дороге. Вдруг крикнул: — Быстрее! Ужом ползите!

Свиридов толкнул Федора в бок, и они двинулись.

Ползли долго. Добравшись до кустов, прикрываясь ими, побежали. Позади, отдаляясь, рокотали автоматные очереди, глухо рвались гранаты и опять стучали автоматы.

Потом все смолкло.

Федор остановился, затаил дыхание. Но услышал лишь, как с каждым мгновением все сильнее и громче начало биться сердце, пока грохот его ударов не стал оглушительным. И тогда ослабли ноги, и он сел на землю.

Наступила тишина. Листья и ветви, трава и стволы странно расплылись, точно он глядел на них сквозь тонкий слой воды, играющей, переливающейся круглыми лучистыми бликами.

Порыв ветра налег на вершины. Они отозвались низким, клекочущим гудом. Смолкли.

Свиридов тронул Федора за плечо. Федор поднял глаза и почувствовал: по щекам медленно, щекоча, потекли слезы. Он прикрыл ладонями лицо, чтобы отереть слезы, но тотчас понял: отними он ладони от лица, и ему не сдержать рыданий. А этого нельзя было делать ради и во имя памяти тех, кто навсегда остался у дороги: Короля, Глыбы, Тройного Ивана, Сороки, Косолапова.

Можно чуть-чуть посидеть вот так, закрыв лицо руками, чтобы даже солнце не приметил его слез, его мальчишеской слабости.

Потом он несколько раз глубоко вздохнул, прогнал удушье, сжавшее горло, поднялся.

— Пойдем, Свиридов.

Тот кивнул, пряча глаза.

Но двинулись они не тотчас, а постояли еще. Каждый думал, что задержался просто так, но на самом деле и тот и другой прислушивались: может, застучит в той стороне,

где дорога, автомат. Наш автомат с глуховатым звуком. Но слух улавливал лишь обычные и привычные шумы леса. Тогда Федор решил, что, вероятно, немцы исправили свою ошибку и окружили разведчиков. Это и решило исход схватки. Но как быстро догадался Король воспользоваться минутной оплошностью гитлеровцев! Отправь он Федора и Свиридова чуть позже, их могли бы перехватить. И теперь еще нельзя чувствовать себя в безопасности.

И они быстрым шагом пошли на восток. Изредка оставались, прислушивались, нет ли погони. Собаки могли взять их след...

Вечером, сверившись по карте, они установили, что до линии фронта осталось сорок семь километров, а сегодня отмахали двадцать. Все еще опасаясь преследования, они решили двигаться и ночью. Выбираться постановили новым путем, через боевые порядки на левом фланге врага. Разобравшись в карте полковника, они установили, что на окраине болота есть тропа, которую — так показали условные знаки — сами немцы предполагали использовать для заброски разведчиков в наш тыл. Кое-где ее минировали, но места эти были аккуратно помечены, а в сносках, в приложении к карте, точно указан даже тип мин.

— Так и сделаем,— сказал Федор.— За ночь доберемся почти до тропы, утром приглядимся и двинем.

— Пожалуй.

В наступивших сумерках лес показался очень темным, хоть глаз коли, но вскоре взошла полная луна.

Сначала меж деревьями будто запылал багровый ночной пожар, и Федор подумал, что так оно и есть.

— Надо менять маршрут,— сказал он Свиридову.

— Почему?— спросил солдат.

— Видишь?

— Луна восходит.

— Никогда такого не видел...— признался Федор.

Меж тем луна быстро поднималась, цвет ее холодел,

бледнел, а когда она стала вровень с вершинами, уменьшаясь в размерах, и покатилась вправо и выше, то превратилась совсем в маленькую, не больше пятиалтынного, очень яркую монету. Лучи ее легли на ветви и посеребрили их.

Пронизанный лунным светом лес представлялся бесконечным и спокойным, будто нигде на земле не слышалось ничего, кроме его сонного дыхания под ветровыми накатами, будто не вчера утром на одной из дорог, проходящих через этот лес, погибли, прикрывая отход Федора и Свиридова, пятеро разведчиков. Проходя ночью меж деревьев, Федор неожиданно для себя отметил, что в лесу растут дубы, много лип, кое-где темными пятнами выделяется ельник, а ближе к болоту поднимаются залитые светом березы.

Глядя на ухоженный, чистый лес, сказочный под серебряным лунным светом, он думал о каком-то диком, противоестественном противоречии, когда люди — вот немцы, — понимающие и любящие красоту природы, вкладывающие в совершенствование этой красоты бездну труда, в то же время готовы истребить ее... Как они ослепленно поверили, будто уничтожение красоты земли в других странах пройдет для них безнаказанно. И вот теперь их край рвут и кромсают снаряды и бомбы, и, наверное, от этого леса останутся лишь щепки. Это та железная необходимость войны, когда человеческое чувство любви словно становится ниже этой временной, но страшной неизбежности уничтожения ради жизни и мира, ради той же любви, потому что иначе не останется на планете разумного и прекрасного.

Мысли эти ощущались Федором как необычные. Он был далек от прошлой жизни, подобной той, какая была у Короля с его пчелами, у Семена Петровича, влюбленного в золотых рыбок. И существовали у других людей еще более глубокие интересы, о которых Федор только догадывался. Король до войны был пасечником, Семен Петрович — учителем. А кем был Тройной Иван? Русских? Глыба? Они говорили об этом, но Федор не прислушивался, не считал это

достойным внимания. У него-то ничего подобного не было, не было того, что называют прошлым. Он из детства словно провалился в войну. Страшные первые впечатления от нее не разделили его жизнь надвое, как было у многих, а просто его жизнь началась именно с войны, будто прежде ничего и не существовало, кроме отрывочных воспоминаний.

Думы эти натолкнули Федора на неосознанную еще им до конца идею, что без прошлого нет будущего. И что у него не существовало своего будущего до той поры, пока он не увидел по-настоящему лес и не полюбил его.

Федор удивился необыкновенности своих мыслей.

И уж совсем неожиданно вспомнил, что дорога, у которой погибли товарищи, шла по дубняку, и когда они отползали, ему под руки то и дело попадали желуди.

«Их можно было бы съесть», — подумал Федор. Он стал приглядываться и нашел несколько прошлогодних желудей, но они оказались гнилыми.

Рассвет застал их на краю болота, неподалеку от того места, где должна начаться тропинка. По закраине топи густо разросся ивняк. Дальше туман густел, и купины кустов расплывались в нем.

Теперь предстояло решить окончательно, как поступать: либо идти через топь тотчас и довериться полностью немецкой карте, либо подождать, когда совсем рассветет, и разобратся в обстановке, и лишь тогда отправляться в трудный и опасный путь по болоту. Нужно было с осторожностью и ясностью оценить обстановку.

— Свиридов! — тихо позвал Федор.

— Слушаю, товарищ сержант.

— Садись-ка. Ты веришь карте?

— Полковничьей?

Значит, Свиридов думал так же. Оставалось проверить дальнейший ход мыслей товарища.

— Если вот, к примеру, о долговременных сооружениях речь — то верю, — продолжил Свиридов. — Инженерные вся-

кие хитрости и ловушки, система огня, расположение дотов, дзотов, блиндажей, траншей — это верно так, что можно и не проверять. А по мелочи... Вроде тропы. Тут почешешь в затылке.

— Вот я и думаю, что почесать следует,— охотно отозвался Федор. Здорово, если двое в разведке думают одинаково.— Не верится мне, будто эта тропа, оставленная для немецких разведчиков, была минирована. Тут что-то не так. Быть не может, чтобы они каждый раз, проходя, снимали мины, а потом обратно ставили. Риск большой. Проводники, выходит, одни и те же.

— Ночью да в тумане и опытный проводник-сапер запросто ошибется,— подтвердил Свиридов.— По-моему, товарищ сержант, дело тут не так обстоит.

— А как же?— спросил Федор, заранее предположив, что немцы некоторое время назад сняли мины. Им тоже необходимы сведения о наших боевых порядках.

— Сняли теперь немцы мины. Проходы раньше были заминированы.

— Ну...— поторопил Федор Свиридова.

— А теперь там посты. Может, один-два пулемета.

— И я так думаю,— с облегчением сказал Федор.

— Однако, товарищ сержант, тут полегче, пожалуй, пройти, чем старой дорогой.

— Может быть, может быть... А коли фрицы догадались о пропаже карты, о том, что кто-то ее утащил, что они подумают?— размышлял Федор.

Свиридов долго молчал. В сером рассвете его маленькое, как-то совсем непримечательное личико показалось Федору давным-давно знакомым, только он никак не мог припомнить, откуда пришло это навязчивое воспоминание.

— На ихнем месте,— неторопливо выговорил Свиридов,— я понадеялся бы, что кто-то поверит в минирование единственной тропы, пригодной для выхода разведки... Коль верить карте, то во всем. А не поверят, то две засады с пуле-

метами воспретят продвижению хоть батальона. Место-то открытое!

— То-то и оно...— подтвердил Федор.— Поэтому надо выйти на тропу теперь...

— Разрешите, товарищ сержант...

— Да брось, Свиридов! Говори просто. Нечего на обращение время терять.

— Неправильно, по-моему, товарищ сержант. Наскочим на пост. Перестреляют как зайцев.

— Поэтому-то и правильно. И еще. По тропе надо идти ночь, по меньшей мере. Значит, фашисты от нас возвращаются либо вечером, либо утром...

— Засаду сделаем? И смены на постах — по утрам.

— Во-во,— согласился Федор.

Они еще раз внимательно осмотрели квадрат карты, проверили ориентиры, по которым можно было выйти на тропу. Условные обозначения оказались приблизительными, но створ тропы отмечен березой и двумя елями.

— Больше ничего не выудишь,— вздохнул Федор.— Я немецкий в школе за обузу считал. А теперь вертись...

— Авось выберемся...— философски заметил Свиридов.— Ориентир — береза.

Они прошли к кустам, часто останавливаясь и подолгу прислушиваясь. Кругом царила тягучая влажная тишина. Изредка из-под ног вспрыгивали лягушки и тяжело шлепали по грязи. Выйдя к березе, разведчики различили в тумане две ели, меж которыми пролегала тропа. Верхушки елей поднимались из белесой пелены.

— Товарищ сержант! — позвал Свиридов.— Вы помните, лейтенант сказал: если есть минная опасность, то мне идти первому... Вот так.

— Иди,— сказал Федор.

От березы, испускавшей запах тлена, они двинулись прямо меж елей и нашли тропу. Она была довольно четко протоптана. Федор теперь полностью утвердился в своем пред-

положении, что дорога через топь разминирована и охраняется.

Свиридов шел не спеша, ступал бесшумно, хотя его сапоги почти по щиколотку проваливались в мох и болотную жижу.

Они прошли по болоту с километр, как вдруг Свиридов поднял руку. Они вместе свернули с тропы, залегли в траве за кустом. Тотчас и Федор услышал громкое хлюпанье сапог в грязи. Оно показалось Федору необычно громким: кто-то шел, не хоронясь... По звуку определил — двигаются трое. На всякий случай Федор приготовил нож, в левую руку взял пистолет. Покосившись на Свиридова, увидел, что тот держит, как обычно, пистолет в правой руке. Он принял у Свиридова нож, взял его в зубы и сделал товарищу знак: «Следи за мной». Свиридов ответил: мол, понял — и ткнул себя пальцем в грудь, напоминая как бы Федору, что с такими документами, какие у них, рисковать нельзя. Федор кивком ответил: «Знаю».

Хлюпанье становилось все громче, послышалось сопенье продирающихся по грязи людей. Разведчики еще плотнее прижались к колючей болотной траве. Сквозь клубы медленно плывущего тумана проступали очертания трех фигур. Все трое без автоматов.

«Очень хорошо... Похоже, что это разведчики... Идут, ничего не опасаясь. Пистолеты у них либо в кобурах, либо за пазухой... Впрочем, нет смысла нападать на них. Пусть идут...»

Еще он подумал, что Русских, тот, пожалуй, напал бы на них. А вот Король не поступил бы так. И в глубине души Федор согласился с Королем.

Двое в маскхалатах, какие носили немецкие разведчики. Третий, шедший посередине, — в нашей шинели. Руки связаны за спиной, во рту кляп.

Это обстоятельство в корне меняло дело. Надо освободить солдата, попавшего к немцам.

«Стибрили, сволочи, какого-то раззяву! Ничего себе встреча! Ничего... Значит, их двое. Нападения они не ожидают. Этот раззява видел посты или что там у них... Мы-то не знаем, а знать надо. Если рисковать, то сейчас... Выгоднее... чем позже, когда нарвемся на засаду или на заставу на болоте. Этот раззява все видел, если только от страха был способен соображать... И нас будет трое. Пора... Если рисковать, пора!»

Федор и Свиридов переглянулись.

Гитлеровские разведчики с «языком» прошли по тропе совсем рядом.

Федор привстал на колени и резкими взмахами один за другим метнул оба ножа в гитлеровцев. Шедшему впереди финка угодила в шею, чуть пониже затылка, второму — под левую лопатку. Когда Федор и Свиридов подскочили к упавшим фашистам, пленный — молодой солдат — от неожиданности осел на тропу. Федор погрозил ему, чтоб не очень шумно радовался.

Затем они забрали у немцев оружие, сняли маскхалаты, оттащили в сторону и опустили в темную воду бочага. Действовали Федор и Свиридов быстро и слаженно. Молодой солдат глядел на разведчиков вытаращив глаза, вероятно не совсем понимая, что же происходит. Вид у Федора и Свиридова, заросших, грязных, ободранных, был дикий. Потом Федор затоптал пятна крови на траве и земле, стараясь не устраивать большого беспорядка. Убедившись, что следов нападения почти не видно, Федор кивнул солдату: иди, мол, за нами. И они снова, чутко прислушиваясь и останавливаясь при малейшем подозрительном звуке, прошли метров пятьдесят и опять свернули с тропы, спрятавшись за кустами. Федор освободил парню руки, вытащил изо рта кляп:

— Тихо! Шепотом отвечай!

Парень кивнул, потер запястья и скулы:

— Они меня...

— Потом, потом. Посты на тропе есть?.. Проводили тебя мимо постов?

— Да.

— Где они?

— Н-не помню...

— Сколько?

— Кажется, два...— не очень уверенно ответил парень.

— Послушай, парень,— строго сказал Федор,— минуту даю на воспоминания. Раззява!

— Я...— начал было молодой солдат.

Федор посмотрел на него презрительно.

— Кхм...— несколько сочувственно кашлянул Свиридов. Он, очевидно, хотел что-то сказать в защиту необстрелянного, глупого солдата, но не решился, помня о субординации и дисциплине.

— Меня...— опять принялся объяснять парень.

Свиридов положил руку на плечо Федора.

— Пусть уж он от печки начинает. Не может иначе.

— Ладно...— Федор махнул рукой.

Молодой солдат обстоятельно объяснил: находился он в передовом охранении вдвоем, сзади послышался шорох. Нарник схватился было за автомат, да поздно. Убили ножом, а его скрутили. Вели по лесу, вышли на болото. Метрах в ста от закраины разведчиков-немцев, которые его схватили, окликнули. Те что-то ответили. Откуда донеслись голоса, сколько на заставе народу, не видел — туман. И второй раз останавливали, неподалеку отсюда. Из кустов.

— Пойдешь первым. Мы за тобой. Примишь кусты, в которых охрана, поднимешь руку,— приказал Федор.— А мы с тобой, Свиридов, должны будем по-тихому снять заставу. Надевайте фрицевские маскбалахоны.

Почти совсем рассвело. Туман уже оторвался от земли и с каждой минутой всплывал над болотом все выше.

— Быстрее, быстрее...— торопил Федор, натягивая сапоги и немецкую форму.

— А что делать, когда окликнут?— спросил парень.— Не помню я отзыва, который говорили фрицы.

— Иди к ним без отзыва. Вот тебе нож.

— Боязно, пистолет бы...

— Ишь ты! Пистолет... Надо без стрельбы.

— Ножом... Я кидать не умею.

— Близко подойдешь. Мы со стороны зайдем. Не трусь. На тебе же немецкий балахон, ты идешь из тыла. Не станут они сразу стрелять. Пошел, пошел... Если не окликнут, молчи. Ясно?

— Понял...

— Раззява! — проговорил Федор не совсем уверенно. Лишь теперь, когда стало светло, было видно, что лицо парня крепко избито.

Наконец они двинулись.

Федор принялся про себя считать шаги. Это отвлекало от мрачных мыслей. На пятьсот восемьдесят седьмом шаге из-за плеча Свиридова он увидел: шедший впереди молодой солдат поднял руку, даже помахал ею, словно приветствуя кого-то. Потом Федор увидел сбоку шагах в пятнадцати от тропы фигуру немецкого солдата. Тот тоже помахал рукой парню, который шел впереди, а заметив их, помахал и им. Федор с трудом заставил себя поднять словно одеревеневшую руку и ответил на молчаливое приветствие немца.

И снова стал считать шаги, затылком чувствуя взгляд немца. Но тот ничего не спрашивал. Он просто стоял и смотрел, привыкнув, видимо, к тому, что из тыла в сторону русских боевых порядков часто уходят молчаливые разведчики.

Взошло солнце, и ветерок согнал туман. Далеко впереди засинел лес.

— Догоним парня,— сказал Федор в спину Свиридову. Тот, не оборачиваясь, прибавил шагу.

Когда они приблизились к молодому солдату почти вплотную, Федор проговорил довольно громко:

— А говорил «боюсь»... Слышишь, солдат?

— Я все не верю, что прошли,— через плечо ответил парень и шмыгнул носом.

— Не прошли еще... Но пройдем. Скоро вторая застава?

— У выхода из болота. Вон там, у леса,— весело сказал солдат.

Свиридов спросил:

— Как тебя зовут?

— Иваном. Пестриков Иван.— И он обернулся, показав разбитое лицо.

— Вот что, Иван Пестриков,— приказал Федор,— иди вторым.

— Пусть уж третьим, товарищ сержант,— попросил Свиридов и добавил: — Я не о тебе забочусь, Федор.

Впереди, километрах в пяти, находился немецкий пост, охраняющий тропу. Никто с полной уверенностью не знал, есть ли там радиостанция, оповещены ли фашисты о том, что идущие по тропе — русские. Ведь трупы немецких разведчиков могли быть уже найдены. Ну, а если даже не найдены? Что стоит наблюдателю при их приближении посмотреть в бинокль? Если не сразу, то через некоторое время немецкий наблюдатель заметит избитое лицо Пестрикова. И это может быть намного раньше, чем они подойдут на гранатный бросок.

Только теперь Макаров до конца осознал правоту и предусмотрительность Свиридова. Вообще лучше было бы оставить Пестрикова на болоте, пока они разделяются с заставой. Стало ясно: схватки не избежать. Тропа проходила как раз у насыпи, за которой сидели дозорные.

Однако Федор чувствовал: он не сможет приказать этому раззяве остаться здесь, в безопасности, пока они дойдут до заставы на краю болота и не уничтожат ее гранатами. Солдат ничего не поймет, кроме того, что остается один, беззащитный, в тылу у немцев,— и не сможет остаться, хоть убей его. А оставить его — значит свести до ничтожности риск быть узванными заранее. Пестрикову нельзя прика-

зять отстать, запрятать под балахон свое лицо — все вызовет у дежурных заставы если не подозрение, то любопытство.

Придя к такому решению, Федор подумал, что раньше он не стал бы размышлять подобным образом и, ничтоже сумняшеся, приказал Пестрикову остаться, не останавливаясь даже перед угрозами.

Решение, которое он принял, осложняло их положение.

И все-таки, несмотря ни на что, они должны пройти это болото и доставить во что бы то ни стало документы в штаб.

Пестриков шел позади и болтал разную чепуху. Он болтал до той поры, пока Свиридов не заметил на окраине болота фигуру часового и стоящий на турели пулемет.

— Заткнись, Ваня! — попросил Свиридов сквозь сжатые зубы.

Несколько шагов они прошли молча. Потом Пестриков сказал:

— Куда же я свою морду дену? Вон он в бинокль на нас смотрит.

Федор промолчал, но на душе у него стало спокойнее: все они поняли друг друга.

* * *

«А с высоты земля выглядит картой-двухверсткой», — подумал Федор, глядя в иллюминатор. Деревья казались спичками, горящими ярким зеленым пламенем. Дома — коробочки с красными островерхими крышками. Потом пошли леса, покрытые, словно пухом, свежей весенней зеленью. Рыжее пятно — болото с пожухлой травой.

«Может, то самое? — неожиданно мелькнуло в голове Федора. — Нет. То много севернее, пожалуй...»

Он окинул взглядом лица своих спутников.

«Вот какая она, победа! — И сам Федор радостно и широко улыбнулся какому-то незнакомому лейтенанту. — А я все никак не мог себе ее представить. Победа — значит спо-

койствие и радость на лицах, забвение постоянного напряжения, что вот... не свистнет, не угодит в тебя пуля, не ударит огненный столб разрыва рядом или скрытая в траве мина... Как та... осколком которой был ранен Свиридов. А я, тоже раненный, тащил его на длинной еловой лапе, привязав двумя солдатскими ремнями».

Или вот как Пестриков... Тогда они подошли к заставе на бросок гранаты и уничтожили немцев, которые дежурили у пулемета. Они думали, что это и все. Однако из лесу выскочили сразу человек десять ошалелых фашистов. Пестриков посмотрел на них, подошел к пулемету, дал очередь. И сказал:

— Идите, дяденьки...

Так и сказал:

— Идите, дяденьки. Машинку эту я знаю. Патронов достаточно. Прикрою. Только вы к лейтенанту Песне сходите. Первый взвод, первой роты, третий батальон...— Он назвал номер полка, дал еще одну очередь, и Федор увидел, что Пестриков действительно умеет обращаться с «машинкой».— Вот... И скажите лейтенанту Песне, что я хоть и сопливый... Слышал я, назвал он как-то раз меня так... Но не сукин сын... Так и скажите. Чтоб не думал никто обо мне худо.

В глазах у него стояли слезы.

— Еще бате и мамке напишите. Адрес у лейтенанта,— заторопился Пестриков и крикнул: — И уходите, уходите, разведчики, пока я добрый! А то сил не хватит...

Стрельба смолкла, когда они, сделав большой крюк по окраине болота, вышли в лес и, тыкаясь в разных направлениях, пытались найти проход к своим. Но в лесу было полно немцев. Тогда Федор и Свиридов вернулись к болоту, заночевали там и опять целый день искали проход. Тогда и нарвались на мину. И прошло еще трое суток, прежде чем Федору вместе со Свиридовым удалось выбраться к своим.

Это было подобно чуду, потому что, раненный сам, Федор едва соображал, как он поступает...

И вот девятнадцатого января весь госпиталь гудел как улей, и каждый раз, когда передавали по радио «В последний час», размеренный и торжественный голос Левитана произносил:

«Войска Третьего Белорусского фронта, перейдя в наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации, прорвали глубоко эшелонированную оборону немцев в Восточной Пруссии и, преодолевая упорное сопротивление противника, за пять дней наступательных боев продвинулись вперед до сорока пяти километров, расширив прорыв до шестидесяти километров по фронту...»

Федор лежал с закрытыми глазами и видел перед собой ту самую дорогу, на которой они подорвали бронетранспортер и добыли план немецкой обороны. А теперь по этой дороге шли наши «тридцатьчетверки».

Ему больше ни разу не пришлось ходить в разведку. Он прибыл в свою часть в день своего рождения — третьего мая. В квартире, где разместились разведчики, неожиданно столкнулся со Свиридовым. После объятий и медвежьих похлопываний по плечам Федор спросил:

— Давно из госпиталя?

— Да уж два месяца. Повоевал, дошел до логова. Ранато тогда не то чтобы уж сильная... Много крови потерял. А у тебя, Федор, видать, старые расходились? — Свиридов сочувственно заглянул в глаза Федору и шмыгнул носом-уточкой.

— Было...

Они присели, чтобы поговорить подробно и по душам, но в квартиру ворвался вестовой:

— Макаров есть?

— Я!

Федора вызывал командир дивизии.

— Опоздали, товарищ старший сержант! — смеясь, ответил на приветствие генерал. — Я не ошибся, товарищ старший сержант! Старший! Третий орден получаешь — золо-

тую «Славу». А с ней и внеочередное звание.— Прищурился, генерал присел на край письменного стола и доверительно спросил: — Ну, война кончилась, так открой мне свою военную тайну.

— Какую, товарищ генерал?

— Сколько тебе лет?

— В моем возрасте вы, товарищ генерал, командовали ротой у Азина, когда тот ликвидировал эсеровский мятеж в Казани...

— Загадками говоришь? А может, считаешь, что тебя, семнадцатилетнего, чином обошли? Шучу, шучу... И кто тебе, Федор, про Азина рассказал? Признавайся.

— Король. Младший лейтенант Кузьма Григорьевич Король.

— Помню Кузьму Короля... И Русских помню. Глыбу... Тройного Ивана... Такие солдаты не умирают. Друзья в сердце друга не умирают. И когда будешь идти на параде по Красной площади, помни: они тоже с тобой.

— Простите, товарищ генерал...

Тот махнул рукой, засмеялся:

— Вот кончается война, болтливым стал. Ну, уж коли сорвалось... Приказом вы, старший сержант Макаров, отчислены в сводный полк, который примет участие в Параде Победы...

Леса, поля — свежие, весенние,— проплывают под крылом самолета. Скоро Москва.

Но тогда Федор еще не знал, что ему будет оказана величайшая для воина честь. Он будет одним из тех, кто швырнет тяжелый, шитый золотом фашистский штандарт к подножию Мавзолея.

О г л а в л е н и е

ГЛАВА ПЕРВАЯ	3
ГЛАВА ВТОРАЯ	32
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	57

К читателям

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Д Л Я С Р Е Д Н Е Г О В О З Р А С Т А

Коротеев Николай Иванович

ЗОЛОТАЯ «СЛАВА»

П о в е с т ь

Ответственный редактор И. В. Пахомова. Художественный редактор Б. А. Дехтерев. Технический редактор И. П. Савенкова. Корректоры К. П. Тягельская и Е. И. Щербакова. Сдано в набор 28-X 1968 г. Подписано к печати 6-III 1969 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л 6 Усл. печ л 5,6. Уч.-изд. л. 4,64. Тираж 75 000 экз. ТП 1969 № 315. А06¹/₁₆. Цена 28 коп. на бум. № 1. Издательство «Детская литература» Москва, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 3359.

Цена 26 коп.